

Евгения Халь

**ПРАВИЛА
ОБМАНУТОЙ
ЖЕНЫ**

Евгения Халь

Правила обманутой жены

«Автор»

2023

Халь Е.

Правила обманутой жены / Е. Халь — «Автор», 2023

Читаешь с телефона и жаришь пышные котлетки для мужа? А он в этот самый момент тебе изменяет. Твой мужик уже нашел нерожавшую молодую любовницу с плоским животом. А ты будешь украдкой рыдать, но при этом, плача, искать рецепты салатов в инете, чтобы ему угодить. У мужа после любовницы всегда аппетит хороший. Или поступишь так, как я. Потому что у каждой обманутой жены должны быть свои правила поведения. В тексте есть: эмоции на пределе, внезапная любовь, от любви до ненависти и обратно, неидеальные герои, легкий криминал, ХЭ гарантирован.

© Халь Е., 2023

© Автор, 2023

Содержание

1 глава. Правило первое: не показывай вида, что знаешь	5
Надя	5
Платон	9
2 глава. Держи меня, не отпускай!	12
Надя	12
Платон	16
Надя	20
3 глава. Правило номер два: держи удар и форму	21
Платон	27
4 глава. Картошка в мундире	31
Надя	33
5 глава. Правило номер три: готовь запасной аэродром	38
Платон	44
Надя	45
Платон	46
Надя	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Евгения Халь

Правила обманутой жены

1 глава. Правило первое: не показывай вида, что знаешь

Надя

Зима вот-вот закончится, а я так и не съездила ни к кому в шубе на голое тело.

Какая

это по счету зима, когда так и не случилось то, чего всегда так хотелось?

До замужества было неловко. Дима у меня строгий. Такой правильный пацан из 90-х. До сих пор любит сериалы «Бригада» и «Бандитский Петербург». Он мог подумать, что я слишком легкого поведения и замуж точно бы не взял. Откуда у порядочной девственницы из провинциального городка такие грешные мысли о шубе?

В первые годы, пока не родился сын Сереженька, всё думала удивить мужа, чтобы страсть вспыхнула, как в первый раз. Чтобы Дима подхватил меня на руки, зацеловал до смерти и залюбил до изнеможения. Не решилась. Дура! Может быть, если бы решилась тогда, то не сидела бы сейчас за чужой машиной, наблюдая через стеклянную витрину пафосного ресторана на Патриках, как мой муж кокетничает со своей любовницей.

Колени затекли от долгого сидения на корточках. Я приподнялась, разминая ноги, но не вставая в полный рост, чтобы Дима меня не заметил. Боковое зеркало машины безжалостно отразило мои растрепанные волосы, затравленный взгляд и запорошенную снегом куртку. А глаза-то на лбу, как у камбалы! И разводы туши под глазами от слез и снега. Жуть, как выгляжу. Впрочем, всё равно. Никто на меня и не посмотрит. Слезы снова потекли по щекам. Жалей себя, жалей, клуша. Больше ведь некому пожалеть.

Дуры мы, бабы. Всё пытаемся успеть. Читаем рядом с плитой, пока котлеты на сковородке томятся. Ну потому что муж есть хочет. А мы же железные леди. Одной рукой котлеты жарим, второй ребенка качаем.левой ногой в стиралку белье забрасываем, пока пирог в духовке поднимается. А потом ещё фоткаем его и в инет выкладываем. Чтобы другие женщины опыт переняли и тоже стали образцовыми женами. И заголовки рецептов поярче придумываем: «Муж зацелует вас за эту вкуснятину! За уши его не оттащите! Всего три ингредиента салата, но муж будет вас просить приготовить его каждый день!»

А зря. Мужья всё равно нам изменяют. Они всегда изменяют. Наши Пети, Вовы и даже Авангарды Ромуальдовичи. На картинке в интернете все легко. А начнёшь готовить – так нужно взять отпуск на два дня и ипотеку, чтобы такой салат соорудить. Так и с семейной жизнью: кажется, что просто, а не у всех получается.

Не счесть, сколько я этих рецептов переготовила. И даже выкладывала в интернет. А потом в парикмахерскую бежала на укладку. И вечером книжки читала развивающие. Чтобы мужу со мной скучно не было. А Дима все равно нашел молодую и красивую любовницу. Чтоб ей сдохнуть!

Блогеры, родненькие, выложите, наконец, рецепт верности. Простой, понятный и, главное, работающий. Верность – она в голове и не зависит от обстоятельств. Верность – это не умение противостоять соблазнам. Это нежелание замечать эти самые соблазны.

Верность – это отвращение к чужим прикосновениям. Зачем? Если есть свое, родное, к которому бежишь домой с одним только желанием: покрепче прижаться, раствориться в дорогих сердцу объятиях и никуда не уходить.

Верность – это полнота ощущений и твердое решение, что вот оно рядом, твое самое желанное, и больше ничего не нужно. Поэтому верными могут быть только абсолютно счастливые и очень сильно любимые.

Дима и его любовница сидели за столиком рядом с витриной. Он протянул руку, погладил ее длинные светлые волосы. Намотал на палец прядь и поцеловал.

Я закусила руку в перчатке и закрыла глаза. Не выдержу! Не смогу! Сейчас встану и ворвусь туда. Дыши, Надя, дыши!

Первое правило обманутой жены: не показывай вида, что знаешь о любовнице. Черт его знает, что будет дальше. Может, любовница быстро пошлет твоего благоверного. А может, ему самому надоест, и тогда мне удастся сохранить свой брак и отца для Сереженьки. Я и так виновата перед своим сыночком. Всю жизнь ему переломала. Из-за меня он болен. Еще и без отца его оставить? Терпи, Надя, терпи! Подушку в ключья искусай, головой о стену бейся, но терпи.

Осторожно повернувшись на корточках, я прижалась спиной к колесу чужой машины и села на попу прямо в снег. Февральская метель накрыла белой шалью Патриаршие пруды. Мозг так кипел, что тело даже не почувствовало холода. Я глубоко вздохнула, пытаюсь не завить во весь голос. И вдруг рядом со мной появился высокий мужик в светло-бежевом кашемировом пальто.

Согнувшись в три погибели, гусиным шагом и на корточках он приблизился ко мне и затаился рядом, неотрывно глядя на витрину ресторана. Меня он не замечал. Словно я пустое место.

– Вообще-то здесь уже занято, – прошипела я.

– Вообще-то это общая парковка и вы ее не купили, – огрызнулся он, даже не глядя в мою сторону, но при этом прилепился вплотную ко мне.

– Это что такой новый метод подката? Так знайте, что у вас ничего не получится, – я приподняла подол длинной куртки, чтобы мужик на нее не наступил.

Наглец обмерял меня взглядом с головы до ног и прошептал:

– Знаете, девушка, вы, конечно, очень привлекательная, не спорю. Но это точно не мой случай. Я здесь за женой слежу. Поэтому не фантазируйте, пожалуйста. И простите за прямоту.

– Какое совпадение! А я здесь слежу за мужем. Поэтому ищите себе другой наблюдательный пункт. Мне с этого ракурса все хорошо видно.

Мужик еще раз внимательно посмотрел на меня и пробормотал:

– Вообще-то мне тоже.

Потом перевёл взгляд на витрину и спросил:

– Извините за бестактность, а вот этот мужчина там, за витриной, случайно не ваш муж? – пальцем в черной кожаной перчатке он указал на Диму.

– Случайно да, – я стащила перчатку и задышала на руки, согревая озябшие пальцы. – А что?

– А то, что он явно любовник моей жены – той блондинки, что сидит рядом с ним. Жена, правда, бывшая. Но это ничего не меняет.

– Еще как меняет. У меня муж настоящий. В смысле, действующий. Ну... вы поняли, короче.

– Понял, – кивнул он, поплотнее запахивая пальто. – А также понял, что ваш муж, скорее всего, и послужил причиной нашего развода с женой.

– А почему это мой виноват? Может, это ваша жена – разлучница, которая соблазнила моего Диму?

– Да ладно вам! – отмахнулся он, – ни одна женщина не в силах устоять, если за ней активно ухаживают. Это вы на словах все верные, а на деле...

– Да прям! Знаете: женщина не захочет, так никто не вскочит! Так что не нужно вот здесь строить из себя несчастного.

– Какая гадость! – презрительно выдавил он. – Захочет, вскочит, вы не могли бы этот мерзкий фольклор оставить при себе? Терпеть не могу подобное скабрёзное народное творчество!

– Ах, извините! Не повезло вам с народом, ваша светлость! Ну уж какие есть. И поговорки, может, и скабрёзные, но точные. И нечего из себя строить принца Датского.

– Я не строю... просто хочу знать, на кого она меня променяла. И знаете, честно говоря, я поражен. Потому что он мне в подметки не годится.

Я аж задохнулась от возмущения:

– Да что вы о себе возомнили? Да мой муж вам фору даст во всех смыслах.

– Серьезно? – насмешливо протянул он. – А сейчас врете! Извините за грубость!

– Не извиняю! Тоже мне, обиженная цаца. Променили его, видите ли! Нужно было свою женщину держать крепче, а не ползать потом раком под машинами, выискивая более успешных соперников.

– Да кто бы говорил! – он даже приподнялся от возмущения. – Сама прошляпила мужика, прохлопала, а теперь дает ЦУ.

Мне так обидно стало в этот момент, что из глаз хлынули слезы. Пряча от него лицо, я вытерла их перчаткой. Прав он, этот холёный наглец. Но все равно обидно до невозможности!

В этот момент мой муж Дима взглянул прямо на нас через витрину.

– Да сядьте вы, каланча! – я дернула его за рукав пальто, заставляя пригнуться. – Сейчас нас поपालите!

В пылу спора я прижалась к нему, чтобы Дима не засёк меня за машиной, и не заметила, что наступила на полу кашемирового пальто этого наглого мужика. Крепко так наступила, основательно, всей подошвой сапога.

– Не намерен больше участвовать в этом дешевом водевиле! – прошипел мужик и резко встал.

Раздался сочный и громкий треск, пальто порвалось. Светло-бежевый лоскут остался под моей ногой.

– Ну прекрасно! Достойный финал глупой комедии! – с досадой прошипел он.

– Извините, ради бога! – зашептала я, подняла лоскут и протянула ему. – Вот, возьмите. Я не хотела. Правда! Это ненарочно! Господи, как неловко вышло!

– Да не переживайте! Это всего лишь тряпка, – отмахнулся он.

– Это очень дорогая вещь. Я занималась пошивом, так что разбираюсь, – я снова попыталась сунуть ему в руку лоскут.

– Это тряпка. Дорогая, пафосная, но тряпка. Тут вот вся жизнь трещит по швам, и ничего, справляемся. Извините меня за резкость, девушка! Обычно не позволяю себе так разговаривать с дамами, – он скинул пальто, остался в темно-синем пиджаке, облегающем мощную фигуру с широкими плечами, и таких же темно-синих брюках.

Пригибаясь, он побежал прочь, на соседнюю улицу. Видимо, оставил там машину. Такие, как он, пешком не ходят. На минуту задержался на углу, швырнул пальто в мусорный бак и скрылся в подворотне.

На душе стало мерзко до невозможности. Я вдруг увидела себя со стороны. Сижу за чужой машиной, слежу за мужем. Вся в снегу, замерзшая, заплаканная, а еще грубая и дерзкая. Какая муха меня укусила? Господи, как же я дошла до жизни такой?

Короткими перебежками, пригибаясь, я добежала до мусорника. Пальто лежало сверху. Быстро цапнув его, я бросилась бежать к машине, которую припарковала на соседней улице.

Замерзшие руки соскальзывали с руля и панели управления. Скорее завести машину, включить печку и прочь отсюда! Домой, к сыну. Не могу я больше видеть этого всего!

Машина завелась. Тепло быстро разморило меня. Пальто незнакомца лежало на пассажирском сидении, сиротливо сжавшись. Ну и зачем я его взяла? У меня же никаких контактов этого мужика. Разве что в карманах что-то завалается.

Чувствуя себя преступницей и одновременно дурой – какое сочетание, а? – я быстро обыскала карманы. В них обнаружился айфон последней модели, я такие видела в рекламе, и элегантная черная пластиковая визитка, на которой белели четкие белые буквы:

«Платон Александрович Аверин, арт-дилер, картинная галерея «Лунный свет».

Дальше шли номера телефонов и адрес. Адрес был знакомым. Это явно где-то на Патриках, здесь, неподалеку. Да, непростой мужик. И имя такое, как и он сам, претенциозное: Платон. Телефон я сразу отключила, чтобы не разрядился.

Поэтому этот мужик с такой легкостью швырнул в мусорный бак дорогую вещь. Вот в чем я разбираюсь, так это в пошиве одежды. Семь лет отработала портнихой в ателье-бутике. Умение шить, которое передалось мне от бабушки, очень выручило, когда мы с Димой только переехали в Москву. Денег было мало. Муж свой бизнес только начинал. А нашему сыну Сереженьке было совсем плохо. Нужны были лекарства, операции, реабилитация – адова куча денег. И ухаживать за ним некому было, кроме меня. Одни мы с Димой в Москве были.

Муж с утра до ночи на работе пропадал. Я сыночком нашим занималась. А по ночам шила. Мне в ателье работу на дом давали. Хозяйка ателье, модный дизайнер Ульяна Сериенко, по показам моталась по всей Европе. А ателье держала на своих плечах ее правая рука Виолетта Соломоновна. И помогала мне во всем: то совет мудрый даст, то денег на лекарства сыночку подкинет, то с Сереженькой посидит, заодно и борща наварит и котлет нажарит, а то и просто развеселит. Или по голове погладит и улыбнется:

– Ничего, шкильда-селедка, прорвемся! Замуж ты же вышла при своей сиротской конституции. Нашелся один шлимазл, то есть, неудачник, который согласился на твоих костях грохотать и ребра пересчитывать, так и остальное приложится.

Сама Виолетта была высокая, полная, яркая брюнетка с грудью шестого размера. Знойная женщина – мечта поэта. А я и до замужества была худенькая, а как с Сереженькой беда случилась, так совсем высохла. Все шмотки с меня падали. Перешивать постоянно приходилось. Поэтому Соломоновна меня и прозвала шкильдой-селедкой. Ее помощь была незаменима, когда ты одна в чужом городе, а на руках больной ребенок.

Вот и сейчас я позвонила Виолетте.

– Чего такая печальная, шкильда-селедка? – раздался в трубке низкий голос с легкой хрипотцой.

– Жизнь затравила, Соломоновна. Можно мне с утра к тебе подскочить?

– Ты ж моя рыба золотая! Я ж тебя всегда к груди прижму. Приезжай, конечно! Посмотришь на меня, красивую. А красота – она ж мир завсегда спасет. Тебе сразу легче станет. Жду утром, моя мурмулэточка! Если вдруг по дороге попадется красивый и богатый муштинский муштинка, тащи с собой. Здесь разберемся.

Я невольно улыбнулась. В каждой шутке есть доля правды. Вот она всегда так шутит, а в этот раз не в бровь, а в глаз. Правда, это всего лишь пальто. Но от красивого и явно богатого мужинки. Или из-под муштинки – как сказала бы Соломоновна.

Платон

Он никогда не умел правильно реагировать на женские слезы. Поэтому предпочитал просто их не замечать. Но на душе было паршиво. Нахамил, как гоблин, несчастной девушке. Из-за него она разрыдалась. А он сделал вид, что не заметил ее слез. А что прикажете делать? Подносить платки? Обнимать? Так он ее и не знает вовсе. И, скорее всего, никогда больше не увидит. Хотя... если ее муж любовник его бывшей жены, то ничего нельзя загадывать. Пошивом она занималась. Дизайнер одежды? Портниха? А чего ж одёжки такие сиротские?

Куртка-пуховик старенькая, джинсы заношенные, сапоги не презентабельного вида. На Патриках все это выглядело чужеродно. Здесь даже домработницы одеваются в кутюрный шмот, подаренный с барского плеча.

– Прости меня, боже, но если женщина себя так запускает, то ничего удивительного, что ей изменяет муж, – пробормотал он, паркуясь возле дома.

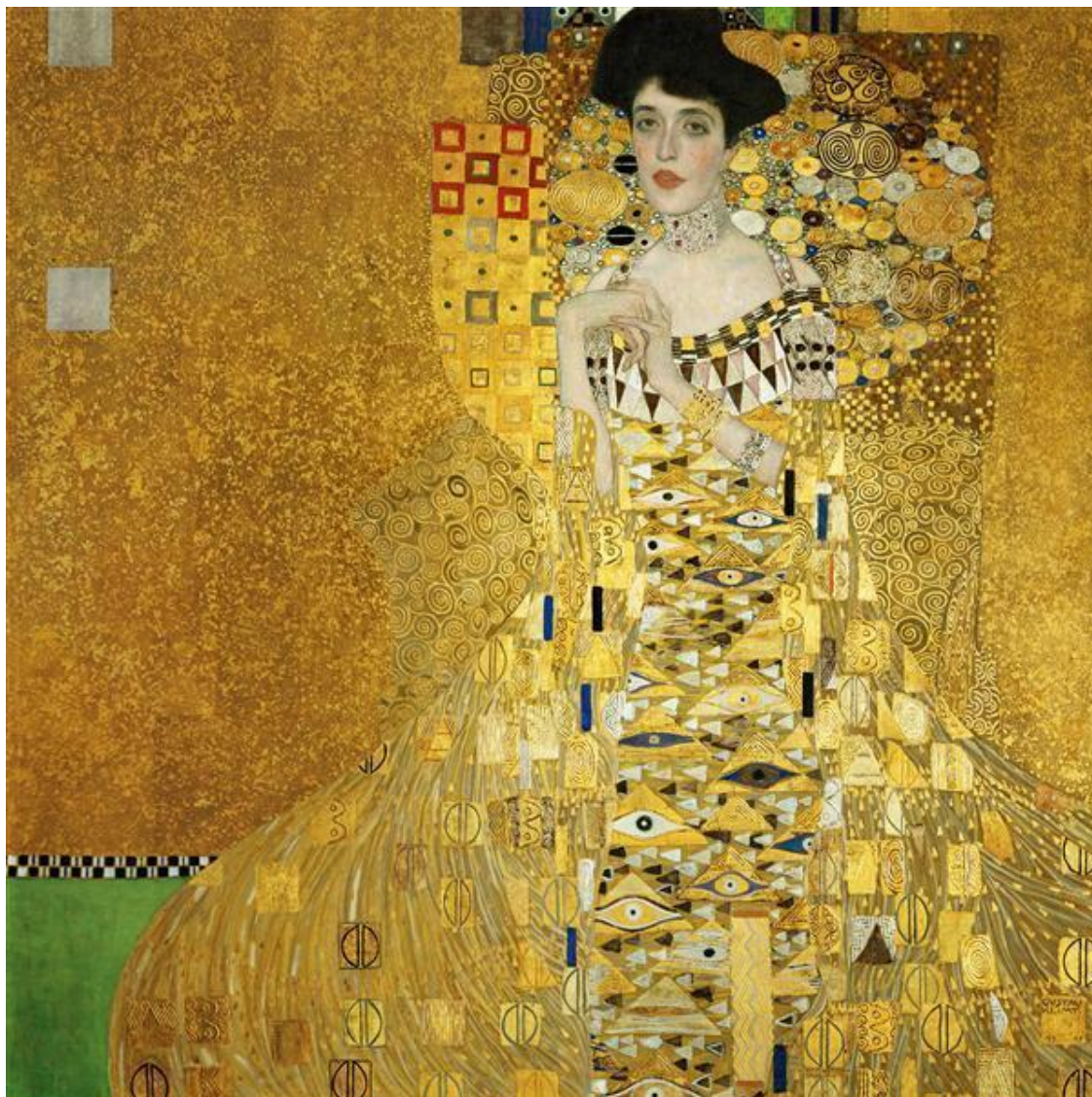
То-то этого жлоба ее муженька потянуло на его, Платона, бывшую. Адель даже за хлебом ходила при полном параде. Хотя... когда это она ходила за хлебом?

Темные окна, сугробы возле двухэтажного белого коттеджа. Никто не ждет, никто ему не рад. Тишина и холод. Соседние коттеджи были не видны за заснеженными деревьями. В элитном поселке под Москвой дорого ценили обособленность от соседей. За это и платили дикие деньги. Но откуда-то справа вдруг донесся залиvistый детский смех, и Платон позавидовал тем, для кого этот смеялся ребенок.

Он давно хотел детей. Но как-то не складывалось. Адель все время придумывала отговорки: то боялась испортить фигуру, то график слишком плотный, то еще что-то. Платон пару раз пытался ее обмануть: мол, не удержался, не успел принять меры и прервать вовремя любовные утехи так, чтобы обошлось без орущих по ночам последствий. Тогда-то и выяснилось, что его жена тайно принимает противозачаточные таблетки. А он и не знал.

Платон зашел в пустой дом, разжег камин, сел в кресло. В углу стоял мольберт, прикрытый белой тканью. Платон сварил кофе, отхлебнул, подошёл к мольберту, откинул ткань и заскрипел зубами. Не удалось ему схватить суть, и, видимо, уже не удастся. С золотого фона незаконченной картины на него смотрела бывшая жена. Его Адель. Платон включил ультрафиолетовую лампу, закрепленную над мольбертом, и на картине проступил второй слой, написанный невидимой ультрафиолетовой краской: хищные чудовища, сплетенные в замысловатом узоре, из которого состояло тело его жены.

Платон горько улыбнулся и с яростью швырнул чашку в стену. Осколки разлетелись по всей гостиной. Он сорвал холст с мольберта, бросил на пол и принялся топтать его ногами. Бездарь! Мечтал написать одну-единственную картину, но такую, чтобы осталась в искусстве навсегда. Как Густав Климт с его «Золотой Аделью». Этот известный австрийский художник написал множество картин. Но в истории осталась одна: «Золотая Адель», портрет его любимой женщины, Адели Блох-Бауэр.

Бизнесмен из Платона получился гораздо более успешный, чем художник. Платон Аверин был третьим в династии художников. Дед и отец прославились на весь мир. Поэтому проблема выбора профессии перед ним никогда не стояла. Платон закончил Институт Сурикова. Но отец, рассматривая его работы, лишь снисходительно пожимал плечами:

– Это мазня, сынок. Нет в тебе искры божьей. Природа, сам знаешь, отдыхает на детях гениев.

Но природа была щедрее, чем утверждал отец, потому что одарила Платона безупречным вкусом и чутьем на таланты. Из неудавшегося художника получился прекрасный и очень успешный арт-дилер. Его галерея была самой известной не только в Москве, но и в России. И на международных аукционах «Сотбис» и «Кристис», где крутили миллиардами, его уважали и считали своим. В историю искусства он все же попал. Пусть не так, как мечталось. Пусть не как художник, но как гениальный продавец чужих шедевров.

Картина жалобно трещала под ногами Платона. А он всё рвал ее и рвал. Пол гостиной усеяли ошметки золотых цветов и фрагменты лиц богов. Он ведь хотел написать свою жену в манере «Золотой Адели»: яркий золотой фон, холодные тона рук и лица, одежда, состоящая из глаз египетского бога Гора. Его жене Египет совсем не шел. Поэтому Платон заменил Гора

славянскими богами. Но и они смотрелись чужеродно на фоне его жены и превращались в плотоядных чудовищ. Таких же, как и она.

Хищная, яркая, Адель никогда не скрывала своих желаний. Они познакомились, когда Платон заканчивал факультет живописи в Институте Сурикова. А она только поступила на факультет теории и истории искусств. Сначала хотела на живопись, но выслушав жесткий вердикт профессионалов, что таланта нет, быстро сориентировалась и пошла в искусствоведы.

Они были совсем разными. Платон – лед, она – пламя. Он серьезен и почти не улыбается. Она все время хохочет, закинув голову, никого не стесняясь. И от ее наглого и слегка вульгарного смеха у мужчин загорались глаза.

Они сходились только в одном: в любви к «Золотой Адели» Густава Климта. Она даже поменяла себе имя в паспорте. При рождении получила имя Клава, но поменяла его на Адель, когда приехала в Москву. В богемных кругах для Клавы нет места, но для Адель все пути открыты. Конечно, если грамотно распорядиться красотой и смекалкой. А жена Платона это умела, как никто другой.

Ей больше нравилась не сама живопись, а атмосфера мастерских: пьянки, случайный секс, полная свобода от условностей. Так же, как и Адель Климта, она обожала золотой цвет и все яркое. Покрутившись по мастерским, выставкам и галереям, она быстро поняла, что вход в богемную тусовку открыт только для своих. Платон влюбился в нее с первого взгляда и с первого разговора о Климте. Через неделю сделал ей предложение. Она согласилась. Теперь путь в закрытую тусовку был открыт.

Адель очень хорошо понимала в искусстве. А ещё лучше разбиралась в методах отмывания денег через аукционы. Она хотела денег. А Платон хотел ее. Поэтому он бросил поиски себя в живописи и открыл галерею «Лунный свет». Ему хватило ума, чтобы сколотить состояние. Он находил в провинции спившихся, на все согласных художников, выкупал у них картины, щедро платил за то, что покрывалось пылью в мастерских, и продавал на аукционах за огромные деньги. Не потому, что эти художники были гениальными. А потому, что сегодняшние арт-дилеры назначают гениев, чтобы отмывать деньги.

Фальшивые компании в свободных экономических зонах, аукционы, на которых выставляются посредственные картины, подставные покупатели, которые накручивают цены на торгах до десятков миллионов долларов за плёвую мазню. Адель чувствовала себя в этом бизнесе, как рыба в воде. Расставание с мужем она продумала заранее и спланировала очень грамотно.

Незадолго до развода она ластилась к Платону как кошка, выпрашивая ресторан в дорогом районе Москвы. Платон, который никогда и ни в чем ей не отказывал, купил ресторан в двухэтажном особняке на Патриарших, а заодно и квартиру над ним.

– Два этажа в старинном особняке на Патриках! Да ты, псих, Платон! Ты слишком ее балуешь! – крутили пальцем у виска его друзья.

А он ни в чем не мог ей отказать. Ему казалось, что чем дороже подарки, тем крепче она к нему привяжется. Он знал, что Адель его не любит. Но сам себя успокаивал: мол, стерпится-слюбится. Она такая не первая и не последняя.

Рестораном она владела весьма успешно. Быстро превратила его в модное в Москве место, где собиралась богема. И как только раскрутила бизнес, свой собственный, отдельный от бизнеса мужа, немедленно подала на развод.

Раздался звонок в дверь. Платон вздрогнул и подошел к монитору интеркома. Гость был неожиданным. И совсем нежеланным.

2 глава. Держи меня, не отпускай!

Надя

На цыпочках, едва дыша, я зашла в комнату сына. Сережа спал, крепко зажав в руках планшет. Я осторожно поцеловала теплую щеку и взяла планшет. Положила его на тумбочку. Сыночек что-то пробормотал во сне и повернулся лицом к стене, на которой было изображено звездное небо. Спирали галактик и яркие хвосты комет светились в темноте. Звезды успокаивали его. Сережа часами рассматривал россыпь ярких точек на темно-синем фоне. Наверное, он мечтал оказаться где-то там, далеко, где нет проклятой гравитации, которая тянет к земле. И каждый раз напоминает сыночку, что он не такой, как все.

Я так и не научилась выговаривать слово «калека». Ненавижу его! Мерзкое, грязное, жестокое слово. Здоровые люди не задумываются и никогда не считают, сколько есть мерзких слов, обидных до слез, которые бросают людям, что отличаются от других.

«Хромоножка», «инвалид», «калека», «убогий». Они так легко это произносят! А каково больным людям и их близким? Твой сын – калека! Разве может мать спокойно слышать эти слова? Я бы и сама улетела с тобой, сыночек, на Марс, Луну или в другую Вселенную. Туда, где нет боли и слез. И жестоких людей.

Мой родной комочек, всё для тебя сделаю! Если бы не ты, сейчас бы собрала сумку и ушла, куда глаза глядят. Громкий всхлип сам собой вырвался из моего горла. Вот дура! Разбужу ведь Сереженьку. Зажав рот рукой, я выскользнула в коридор и прислонилась к стене.

Нельзя при сыне плакать. Если бог забирает здоровье, то взамен дает острый ум. Сереженьке всего одиннадцать лет. Но развит не по годам. Всё понимает. Просто чаще всего молчит. У него травма позвоночника. И из-за этого он хромает на одну ногу. Спина и нога всё время болят. Маленьким он часто плакал. А теперь скрывает боль даже от меня. Не любит, когда его жалеют. К людям относится подозрительно. К себе никого не подпускает. Зато с компьютерами на «ты». И очень хорошо рисует. Особенно любимых персонажей компьютерных игр.

Диму это раздражает. Он не понимает, почему наш сын все время живет в виртуальном мире. Дима не догадывается, что там Серёжа здоров и силен. Там он побеждает всех чудовищ. Там нет боли и слез, а если и есть, то строго дозированно, в рамках игры. Для прокачки персонажа. Но я-то всегда чувствую боль своего ребенка. И мне в два раза тяжелее и страшнее, чем ему.

Ключ в замке входной двери повернулся, и я метнулась в спальню. Быстро скинула одежду и нырнула в постель, укрывшись одеялом. Не хочу сейчас встречаться с мужем. Не могу его видеть! Не сдержусь.

Дима зашел в спальню, сбросил одежду и пошёл в душ. Я быстро откинула одеяло, взяла его рубашку и прижала к лицу. Пахло шоколадом и свободой. Вода в ванной стихла. Я поспешно вернулась под одеяло. Зря старалась. Дима и не взглянул на меня. Отправился на кухню и загремел крышкой сковородки.

У меня сжалось сердце. Я закусила кулак, чтобы не зарыдать во весь голос. Любовница, наверняка, кормила его разными деликатесами в своем пафосном ресторане. А Дима мужик простой. Ему котлеты на ужин подавай. Да чтобы с жареной картошкой.

Сколько я этих котлет пережарила в своей жизни – не счесть! Значит, секс сегодня тоже был. Дима после секса голодный, как волк. Наверное, жевал в ресторане, давясь, ее изысканные блюда, а сам пришел домой – и сразу к моим котлетам. У него как: если на ужин нет котлет и картошки, значит, это не еда. И всё с хлебом. Возьмёт буханку, к груди прижмет и толстые

ломти нарежает. Так и не приучила его на доске хлеб резать. А на хлеб еще майонез толстым слоем мажет обычно.

Как-то хотела ему здоровое питание организовать. Он вообще-то у меня мужик крепкий, здоровый, к полноте не склонный. До сих пор пресс, как у мальчика. Под рубашкой мышца играет. Но у здоровья тоже есть предел. Тридцать семь лет – не восемнадцать. Овощи на пару ему приготовила, куриную грудку, запеченную в фольге в духовке. Так он эту тарелку с овощами и грудкой в раковину швырнул, кулаком по столу грохнул и яростно сузив глаза заявил:

– Я те чё гондурас траву с куриными грудями жрать? Котлеты давай и картошку. Жареную. И побольше. Я правильный пацан. Ем только правильную мужскую еду, а ты мне эту хрень на пару! Совсем в Москве своей берега попутала? Алё, гараж! Ты мне еще рубашку розовую купи! К траве гарниром, ёпта!

Вот так у него всегда. Рубашки тоже только правильных цветов: белый, черный, серый. А если оранжевый, розовый или, не дай бог, лиловый, значит, гондурас.

Еда тоже правильная, пацанская: мясо, желательно крупными кусками, картошки, макарон и майонеза побольше, борщ да пирожки с мясом. Не понимаю только одного: как его на такую фифу потянуло? А ее на него? Может, у Димы кризис среднего возраста начался? Так вроде рановато как-то.

Муж ел на кухне, а я рыдала в постели под одеялом. Вот она, любовь. Вот она, верность. Получай сполна, Надюша, семейное свое счастье!

А ведь я это счастье по кусочкам собирала, как мозаику. Кусочек к кусочку, чтобы не хуже, чем у других. Чтобы муж сытый, сын всегда аккуратненький и дом чистый. Чтобы пирогами в доме пахло и салфетки красивые. И довольствовалась малым. Улыбнётся Сереженька – уже хорошо. Цветы за окном красивые расцветут – радость, маленькая, но все же. Погода весенняя – праздник. А надо было не это всё, а шубу на голое тело. И под шубой чулки с кружевными резинками. Как в итальянском кино.

Как-то мы с подругой решили пассануть контрольную по геометрии, сбежали из школы и пошли в кино. Билеты купили, даже не зная, о чем фильм. Холодно было очень. Метель была лютая. А в киношке тепло и утром нет никого. Можно развалиться в кресле и подремать.

Сам фильм я толком и не запомнила. Мне тогда лет четырнадцать-пятнадцать было. Но меня поразила одна сцена: обалденно красивая итальянская актриса шла по зимней вечерней улице в шубе на голое тело и в черных чулках с ажурными резинками. Мужчины прятали лица в воротники, спеша домой, в тепло. Но вдруг натыкались на ее взгляд: загадочный, призывный, манящий. Они замирали, впиваясь глазами в ее лицо. Рассматривая полные губы с кричаще-алой помадой. Как свежая кровь: не бордовой, не красной, а именно алой.

И в этот момент полы шубы слегка распахивались от ветра, обнажая ажурную резинку черных чулок и точеное, совершенно голое бедро. И мужчины замирали. До сих помню их глаза. Самые скромные и тихие мужики типа «бухгалтер, милый мой бухгалтер» вдруг срывались с цепи. Их глаза загорались. Они, как заколдованные, шли за ней, боясь упустить из виду. Им становилось жарко и они рвали воротники пальто, ловя зимний воздух широко открытыми, как у рыб, ртами. А она снисходительно улыбалась. Этот подарок предназначался не им. И они умирали от зависти к тому счастливицу, для которого она так оделась. Вернее, разделась.

– Вот придурки, – хихикала моя подруга. – У меня бабуля в деревне так делает, когда зимой в туалет во двор бежит. Старую шубу на ночнушку накидывает – и чешет. Может, на моей бабуле итальянец женится? Вот извраты они там, в этой Европе.

Она не понимала. А я тогда себе поклялась, что когда-нибудь сделаю так же. Денег скоплю, куплю шубу. Можно простенькую, но чтобы длинную и под норку, как у той итальянки. И чулки. В нашем городке тогда такие было не достать, а интернет-магазинов еще не было. Ну ничего, думала я, можно в Москву съездить ради такого случая.

И мужчина, для которого я приготовлю этот подарок, сойдёт с ума. И будет до конца жизни меня на руках носить. И повезет в Италию. И купит настоящую шубу. А я в ней элегантно так сяду в длинный лимузин. А лучше в гондолу. Мой мужчина повезет меня в Венецию, на карнавал. Там как раз в феврале карнавал. И я в этой шубе на голое тело сяду в гондолу. А гондольеры ведь всегда мужчины. Он заметит, что у меня под шубой чулки и больше ничего нет. Он занервничает, а я загадочно улыбнусь ему алыми губами с толстым, но аккуратным слоем помады. И мой мужчина будет подгонять его, чтобы плыл быстрее. И запустит руку мне под шубу, умирая от желания. А гондольер будет пожирать нас глазами. И потом долго мечтать обо мне по ночам.

Я даже помаду купила на рынке. Дорогущую, но точно такого же оттенка, как у итальянки: алого. Этот тюбик до сих пор у меня в шкатулке с украшениями лежит. Помада уже вся потекшая и засохшая. Рука так и не поднялась ее выбросить. И с тех пор каждую зиму я теряла покой, так хотелось исполнить детскую мечту. Наверное, если бы исполнила, такая беда, как измена мужа, меня стороной бы обошла.

Хотя не факт, что помогла бы мне эта шуба на голое тело. А с другой стороны, любовница явно не борщами моего Диму взяла. Яркая, дерзкая, такая не станет борщи варить и котлеты жарить. У нее бизнес, салоны, маникюры, массажи. Холеная вся, ухоженная. Сразу видно, что сильно себя любит.

Очень хочется ей в глаза вцепиться. Но выглядит так, что закачаешься. Факт. Высокая, статная, спина прямая, как будто швабру проглотила. Пышная копна медового оттенка рассыпается по плечам, когда она поворачивается. Глаза насмешливые, губы полные. Свои, не накачанные, сразу видно. И фигура точёная, Наверняка из спортзала не вылезит. Ноги от ушей. И одета очень дорого. Хоть и ярко, но ей идет, потому что она вся очень яркая. И смех такой звонкий, что доносился до той машины, за которой я пряталась, когда сегодня следила за ними. Уверенный смех красивой женщины. Чуть более громкий, чем нужно, немного вульгарный. Но когда она засмеялась, все мужчины, что были в ресторане, повернулись к ней и занервничали. А Дима так возбудился, что аж пошел красными пятнами. Господи, о чем это я? Гадость какая!

Что она нашла в Диме? Простоватом и без изысков мужике? А он в ней? Ведь такой женщиной невозможно управлять. А мой муж помешан на контроле. Неужели я так и не поняла своего мужа за столько лет? Или все дело во мне? Ну да, скорее всего. Плохая жена, плохая мать, никчемная женщина.

Вся наша с Димой жизнь разделилась на две части: на «до», когда Сереже было три годика и он еще был здоров. И на «после», когда с ним случилось несчастье. И это я впустила беду в наш дом. Дима мне этого так и не простил. После этого на его лице навсегда застыл немой укор. Мою вину он подчеркивал постоянно, прямо ли, косвенно ли, но я всё делала не так. И даже если у меня что-то получалось, Дима никогда не хвалил.

Не полагалось мне. Потому что я сделала самую ужасную вещь на свете: лишила его сына. Такого сына, о котором он мечтал. Один только раз я заикнулась о втором ребёнке. Мы уже переехали в Москву. Сереженьке было семь лет. У меня была задержка. Дима лишь поднял бровь и сказал, как отрезал:

– Пойдешь на аборт. Не твое это: быть матерью. Одного уже погубила, хочешь и других погубить? Не справляешься ты.

Горький ком застрял в горле. Я закусила кулак, накрылась одеялом с головой и спрятала лицо под подушку. На меня навалился тяжелый сон. Мне приснилось, что вся квартира вместе со спальней покрылась серой грязью. Она затянула весь дом. Затопила его бедой. Серая, худая, костлявая, как смерть, беда, сейчас прижалась уродливой шакальей мордой к окнам нашего дома и дышала смрадом. Я чувствовала этот гнилой запах. Я задыхалась. От беды пахло

чужими женскими духами и любовным потом Димы. У беды был голос. Вернее, голоса. Сквозь подушку и одеяло я слышала дыхание Димы и счастливый вздох его любовницы. Боже, я схожу с ума!

Беда тянула руки через стекло. А я не могла пошевелиться от ужаса и боли.

– Еще, Димочка! Еще! – шептала любовница мужа.

И каждое ее слово вонзалось в мое сердце, как острый нож.

Дима хрипло дышал, увеличивая темп. Я словно стояла рядом с их постелью, наблюдая, как мой муж любит чужую женщину. А рядом со мной стояла беда и мерзко ухмылялась. Вместо рук у нее были две виселицы. А на одной из них болталась я.

Воздуха! Воздуха, молю! Димочка, помоги мне! Меня нет, если тебя нет рядом. Меня нет без тебя! Держи меня, не отпускай! Иначе задохнусь. Я пыталась поймать ртом хотя бы каплю кислорода. Но зубы покрывались льдом с привкусом чужих женских духов: терпких, сладких, душных. А Дима так и не пришел на помощь. Он был занят. Он любил другую женщину и не слышал меня.

Беда и не думала меня отпускать. Она пила мою боль, наслаждаясь победой. И на плече у нее сидела черная птица. И в глазах у нее плескалась тьма. Вся комната стала черной. Я зажмурилась. Посчитала до десяти и открыла глаза. Но свет не вернулся. Мои глаза перестали его видеть. Все правильно. Зачем мне свет, если тебя, Димочка, рядом больше нет?

Теперь ты впустил беду в наш уютный дом. И мы квиты. Потому что в первый раз это сделала я. Беда хорошо знает дорогу сюда. Помнит каждый камешек на этой дороге. И никуда от нее не деться. Не спасись мне, милый, не спасись. Ты ужинаешь на кухне и не знаешь, что я здесь умираю. Ты больше меня не слышишь, Дима. Со мной только беда. Наверное, теперь навсегда.

Платон

Он так и не завел в доме охрану. Хотя многие говорили ему, что это опасно. Дома в поселке далеко разбросаны друг от друга. Между ними лес. Камеры на фасаде коттеджа можно легко вырубить. Охраны на въезде в поселок нет. Жильцы на нее не полагались, предпочитая нанимать личную охрану для каждого коттеджа.

Платон даже пару раз звонил в охранное агентство, но так и не решился никого нанять. Мысль о том, что какой-то амбал будет мозолить глаза, приводила его в ярость. Платон не терпел чужих людей в доме. И даже домработница приходила убирать раз в неделю, да и то, когда он был на работе.

Сейчас охрана бы пригодилась, чтобы не впускать его делового партнера.

– Почему без звонка? – Платон распахнул дверь и загородил собой дверной проем.

– Вай-вай-вай! Чего нервный такой? – Мамикон шутливо пригнулся, изображая испуг, и закрыл лицо рукой. – А где здрастье?

– Там же, где твоя вежливость, – огрызнулся Платон. – Час поздний. Вламываться без звонка невежливо.

– И так ты разговариваешь с другом? – покачал головой Мамикон.

Несмотря на высокий рост и широкие плечи, он с лёгкостью просочился в дом мимо Платона, прошел в гостиную и сел в кресло.

– Как знал, что кофея от тебя не дождешься. С собой все привёз. Вносите! – он щелкнул пальцами.

Два молчаливых кавказца, которые до этого маячили за его спиной, а теперь топтались у входа, мягко, но настойчиво отёрли Платона от двери и зашли в гостиную. Быстро расставили на журнальном столике два картонных стакана с кофе, несколько шоколадок и пирожные.

– Садись, дорогой! Дядя Мамикон когда приглашает, ему точно не отказывают.

Платон понял, что спорить бесполезно. Мамикон был цыганским табором в одном лице: заходил, располагался, разрешения не спрашивал. О себе всегда говорил в третьем лице и звал себя дядей Мамиконом. Хотя и был старше Платона всего на пять лет. Платону исполнилось тридцать пять. Мамикону было сорок. Но у кавказцев другой отсчет времени. Они раньше взрослеют и раньше стареют. У них в сорок лет уже внуки.

Хотя выглядел Мамикон хорошо. Высокий, худой, черно-седая грива зачесана назад, огромные глаза на поллица, как на старинных иконах. Женщины млели от него, потому что внешне он был похож на итальянского певца Тото Кутуньо. Мамикон это знал. И очень ловко пользовался внешним сходством со звездой. Он вообще обладал уникальной способностью любую ситуацию обращать в свою выгоду. Благодаря этому в свои сорок лет уже сколотил состояние и владел разными бизнесами. Не всегда легальными. Поэтому самой большой его проблемой было отмывание денег. Для этого ему и нужен был Платон.

– Зачем ты приехал домой? Для бизнеса есть галерея, – Платон опустился в широкое кресло напротив Мамикона.

– Я хотел посидеть тихо и по-семейному – улыбнулся Мамикон. – Пей кофе, пей. Он хороший. Шоколадки вон бери.

– Подсластить горькую пилюлю пытаешься?

– А что делать, дорогой? Мысли-то у меня горькие. Чуйка моя шепчет в последнее время, что ты хочешь соскочить, Платон.

– Этот бизнес стал опасен, – Платон отхлебнул кофе. – Слишком многие знают о схемах. Слышал о скандале с картиной Марка Ротко? Коллекционер, которому арт-дилер впарил этот шедевр, устроил дикий скандал. Начались суды, разбирательства, расследования, в том числе

и через Интерпол. А причиной послужили СМИ. Коллекционер где-то в интернете вычитал о наших схемах, понял, что его накололи, как тысячи других, и закатил истерику.

– Вах, лучше мне не говори! – Мамикон схватился за сердце. – Я чуть не помер от смеха. Коллекционер? Да это лох какой-то! Ему впарили картину слоновьих размеров, величиной с полстены, на которой намалеваны три разноцветные полосы: желтая, красная и оранжевая. Почти восемьдесят семь лямов в долларах! У меня как-то любовница залетела. Пришлось откупаться за две полосы. Так эти две полосы не потянули столько, сколько три у этого Ротко-Шмортко.

– Но раньше это всем сходило с рук, – Платон поставил стакан с кофе на журнальный столик. – С сороковых годов публике толкают эту мазню взбесившегося маляра. Достаточно было придумать дурацкие предлоги: художник так видит, его работы – часть эпохи, и так далее. Потому что схемы знали только арт-дилеры той старой школы. И они умели хранить секреты. А теперь все болтают обо всём. И схемы из секретных стали общедоступными. Этот бизнес умирает. Пора соскакивать.

– Ой, только не рассказывай мне сказки! – Мамикон развернул шоколадку и откусил сразу половину. – Как продавали ослиный моча под видом произведений искусства, так и сейчас продают. Соскочишь, когда я скажу. А пока свяжись с арт-дилерами в Европе. Мне нужно отстирать большой куш. Так что приготовь картинку. Только я тебя умоляю: не какие-то полосы, как у этого Ротко-Шмортко. Тьфу на него! Я его маму в лаваше с люля вертел. Пусть хотя бы баба там будет нарисована. Такая, с глазами... – Мамикон выставил вперед обе руки вперед, показывая размер «глаз». – Если на картине телка, то хотя бы можно сказать, что художник так видит. Сразу одной проблемой меньше и кипеша тоже меньше. Ладно, дорогой. Не буду тебя утомлять. Дядю Мамикона ждут красивые девочки, не намалеванные, а настоящие, – он встал и пошел к двери.

Глядя вслед Мамикону, Платон твердо решил, что с этими аферами нужно завязывать. И начать, наконец, заниматься тем, чем хочется: продавать настоящие произведения искусства за адекватные деньги. Искать нормальных художников, а не дельцов. Возможно, если уйти от всей этой шелухи, то он сам снова начнет рисовать? Серьёзно работать, если не для денег, то хотя бы для души. Потому что душа его давно уже не просила в взять в руки кисть или карандаш. Исчез этот кайф от того, что на чистом холсте появляется придуманная им самим жизнь. Исчез зуд в пальцах. Ушли навсегда эти ночи, когда образы в голове толпились, не давая спать. И тогда Платон вскакивал с постели и рисовал часами без продыху. Осталась только бесконечная усталость и желание просто прожить еще один день.

Ему нужен план. Платон встал и взволнованно заходил по гостиной, сжимая в руке стакан с кофе. Вернее, нужны два плана. Первый, чтобы сорвать большой куш и завязать. Вторым, чтобы вернуть бывшую жену. И тогда к нему вернется вдохновение.

Очень захотелось услышать Адель немедленно. Он пошарил в кармане, ища телефон. Но карман был пуст.

– Что за черт? – Платон остановился напротив окна и вдруг вспомнил, что на нервяке и впопыхах сунул телефон в карман пальто, а пальто...

– Идиот! – взвыл он и так сжал в руке стакан с кофе, что тот лопнул.

Вязкая коричневая жижа пролилась на светлый ковер. Платон подбежал к двери, схватил с вешалки куртку и бросился к машине. Эта клуша, что следила за своим мужем, так задурила ему голову и взбесила одним своим присутствием, что он забыл обо всем, и сам же и выбросил телефон в мусорку вместе с пальто.

Метель разбушевалась. Дворники едва справлялись со снегопадом. Серебристый «Порше» Платона осторожно двигался по пустынной загородной трассе, замеченной снегом. Платон нетерпеливо сжимал зубы. Пижон! Нужно было «Джип Гелендваген» брать, а не эту игрушку. Немецкому танку никакая метель не страшна. Уже давно был бы на месте. Платон с досадой хлопнул по рулю, остановившись на светофоре.

Патрики даже глубокой ночью бурлили жизнью. Витрина ресторана Адели призывно светилась неброскими элегантными огнями. Платон выскочил из машины и бросился к мусорному баку. Рядом с ним медленно прошли две девушки. Их лица вытянулись от удивления. И было от чего. Импозантный респектабельный мужик в ботинках, которые стоили как зарплата кассирши из супермаркета за полгода, рылся в мусорном баке. Одна из девушек вытащила из кармана телефон. Платон представил заголовки видео на ютубе: «На Патриках бомжи одеты в люкс».

– Даже не думай! – зарычал Платон и погрозил девушке пальцем.

Обе девчонки быстро юркнули в подворотню. Бак был почти пуст. Его содержимое валялось на асфальте. Но пальто не было. Неужели бомжи сперли? Так их в ночное время здесь нет. Они уже давно закинулись всем, чем можно, и дрыхнут. Платон посмотрел в витрину ресторана. Адель в зале не было. Платон зашел внутрь и обратился к худому рыжему официанту.

– Адель здесь?

– Ее нет, она давно ушла, – официант опустил глаза и принялся собирать посуду со стола.

– Одна? – Платон взял с тарелки большую маслину и закинул в рот.

Официант не ответил, продолжая аккуратно расставлять тарелки на подносе.

– Любезнейший, прошу минуту вашего драгоценного внимания! – Платон щёлкнул пальцами и достал из кармана пятитысячную купюру.

Официант ловко сунул ее в карман жилета и охотно доложил:

– С крепким таким мужиком ушла, здоровым. По дороге обнимались.

– С тем гопником, что возле нее отирался? – в глубине души затеплилась надежда на отрицательный ответ.

Но официант быстро убил надежду:

– Ага! С гопником. Он ничего не ел, физиономию от всего воротил, только минералку хлестал. Я ему предложил устриц. Так у него морда красными пятнами пошла, явно блевануть потянуло, и он меня послал. Сказал: «Сбрызни, мелкий, в... устрицу! Гондурасам-лизунам такое будешь предлагать». Его, кстати, Димоном зовут. Слышал, как Адель его звала.

– Прямо так и сказала: Димон? – переспросил Платон.

Да что с ней? У нее, как у Горького, хождения в народ? Неужели она так изменилась? Его жена просто не могла произнести так имя Дима. Так говорят мужики и дешевые девицы вроде Ивлеевой.

– Да, так и сказала: Димон, душа моя, пойдика сюда.

Платон сжал зубы от бешенства. Когда он с ней познакомился, она еще была Клавой из крошечного городка. И всячески пыталась уйти от нищего детства и пролетарского происхождения. В богему рвалась. А теперь почувствовала себя московской барыней и завела себе Димона. Устала от сложных натур. Сейчас хочет гопника. Материально она больше не нуждается в поддержке. Хотя питекантроп явно не беден. Вряд ли Адель позарилась бы на нищесброда. Она считала, что настоящий мужик должен уметь зарабатывать деньги. Пару раз Платон замечал, с каким брезгливым презрением она смотрела на спившихся от безнадёги нищих художников, у которых Платон покупал работы. Ему было жаль этих людей. И он мягко сделал жене замечание:

– Не осуждай их. Талант иногда бывает не благословением, а проклятием. Они просто не справились с реальностью. Не смогли распорядиться искрой божьей. Они не виноваты.

– Они виноваты в том, что не смогли быть мужиками.

– Какая связь? – не понимал Платон.

– А такая, – объясняла она. – Мужик должен зарабатывать. Все равно как. Не можешь продать свою мазню – иди на завод, а по ночам малюй картинку. А не обвиняй весь мир в том, что никто не понимает твою нежную натуру.

– Какая ты жестокая и бескомпромиссная, – улыбался Платон, прижимая ее к себе. – Ты мой жестокий, но безумно красивый критик! Что ты понимаешь в мужских характерах?

– А что ты понимаешь в колбасных обрезках, избалованный московский мальчик? – якобы шутя парировала она.

Перед глазами встала картинка, как этот пещерный человек лапает его утонченную Адель, гнусно ухмыляясь. Он-то точно понимал в колбасных обрезках. Без сомнения!

В голове полыхнуло. Руки зачесались от острого желания разнести весь ресторан. Как гопник. А что? Если Адели это нравится, то, возможно, ему, Платону стоит сменить имидж? Мир – хижинам, война – дворцам? В глубине души Адель осталась Клавой. Платон взялся за спинку стула, задумчиво подвинул его, борясь с желанием запустить в витрину, но тут же оставил эту затею. У него все равно не получится так, как у Димона. Генетику не обмануть.

– Телефон дай, – приказал Платон официанту.

Парень с готовностью протянул ему дешёвенький «Самсунг». Платон набрал своей номер.

– Абонент находится вне зоны доступа. – любезно сообщил приятный женский голос.

– Черт! Без телефона, как без рук! – скривился Платон, возвращая официанту «Самсунг».

Надя

Утром в ванной я долго терла лицо кусочком льда, пытаюсь снять припухлость с заплаканных глаз. Не получилось. Пряча лицо, я быстро приготовила завтрак. Могла бы и не стараться. Дима на меня даже не взглянул.

– С добрым! – он вышел на кухню распаренный после горячего душа, в одной майке.

На мощных плечах сверкали капельки воды. И я представила, как его любовница обнимает эти крепкие плечи, на которые так хочет опереться. Из глаз едва не хлынули слезы. Пришлось закусить губу.

Дима ел охотно, забрасывая в рот большие куски яичницы. Неужели эта каланча его так умотала, что у него до сих пор волчий аппетит? И это после котлет и картошки на ночь? Стерва ненасытная!

Я с трудом заставила себя выпить глоток кофе. Сережа вяло ковырял яичницу, глядя в планшет.

– Ну хватит! За едой нужно есть, а не пялиться в эту ерунду, – Дима решительно отобрал у сына планшет. – А то так и останешься задохликом. Чё ты вилкой ковыряешь, как девка на картинках? Отрежь кусок, забрось в клюв, разжуй. И силы появятся.

– Мне это не мешает есть, – тихо сказал Серёжа, опустив глаза.

– Дима, хватит! Отдай, пожалуйста, – вмешалась я.

– А ты не встревай, – Дима закинул в рот помидор черри и с удовольствием разжевал. – Чё он все в экран пялится? Реально ботан. Пошел бы в футбол поиграл, с пацанами подружился. А то друзья у него сплошные чудики из инета. Ты их видела вообще? Там же вместо реальных фоток сплошные картинки. Может, они не дети. Может, они извраты-гондурасы. Вон пацаны рассказывали, что они в этих сетях косят под малышню, а потом знакомятся с мелкими и опа! Привет, твоя попа! – Дима звонко похлопал ладонью одной руки по кисти другой. – Думаешь, как у богемы дети вдруг пол меняют? Был пацан, а стал гендер, ёпта! Я ж такого не допущу: сразу говорю. Ты ж, Надюха, меня знаешь. Я этих гендеров на коленвале крутил!

– Дима, успокойся, пожалуйста! Чего ты завелся с утра? – тихо осадила его я, пытаюсь унять дрожь в голосе, потому что отлично знала причину этой агрессии.

Все у моего мужа наоборот. Других мужчин хороший секс успокаивает. А Диму, наоборот, заводит. Он, как Кинг-Конг, который когда побеждал, то бил себя кулаком в грудь и грозно ревел. Видимо, вчера он эту дылду не раз победил. И теперь чувствует себя альфасамцом.

– Я не могу играть в футбол, ты знаешь, что мне больно, – прошептал Сережа.

– А ты через не могу! – возразил Дима. – Больно – так привыкнешь. Я вон на рыбалку с мужиками собираюсь в субботу. Все пацаны сыновей берут. Ты бы тоже поехал. Там же бегать не надо.

– Мне это неинтересно, – Сережа водил пальцем по столу, вырисовывая невидимый узор.

– А что тебе интересно? Фигней страдать в твоих тырнетах? – вспыхнул Дима и хлопнул ладонью по столу.

Да так, что моя чашка кофе подпрыгнула, жалобно звякнула о блюде и перевернулась. Горячий кофе разлился по столу. Сережа встал, схватившись руками за край стола. Быстро встать, не держась ни за что руками, он просто не мог. Горячий кофе обжег ему пальцы. Сережа отдернул руку и замахал ею в воздухе, пытаюсь унять боль от ожога.

3 глава. Правило номер два: держи удар и форму

Я бросилась к сыну.

– Сейчас, мой дорогой! Сейчас!

Крем от ожогов всегда был в холодильнике. Я рванула дверь с такой силой, что банки на боковой полке звякнули одна о другую.

– Давай, ломай! Ты же на этот холодильник не заработала, – ухмыльнулся Дима. – Не твое – не жалко.

– Господи, Дима, да что с тобой не так? – я возилась с тугой крышкой, пытаюсь ее свинтить. – Чего ты завёлся с утра? Ребенок из-за тебя руку обжег, меня довел так, что пальцы дрожат. Даже крем открыть не могу. А тебе все мало!

– А потому что мне стыдно перед пацанами! – заорал Дима. – Мне уже намекают. Спрашивают: не гондурас ли мой Серега? – он вырвал крем из моих рук, открыл крышку и бросил на стол. – Сам намажет, не маленький.

Сережа послушно взял тюбик с кремом и немедленно выронил его на пол.

– А все твое воспитание! – Дима залился краской, на шее вздулась вена. – Он не девка, Надя, он пацан! Хватит трястись над ним! Ты, как курица, крылья раскинула и кудахчешь. Видеть это все не могу! – Дима поднял с пола крем, выдавил на руку сыну, смял тюбик и швырнул в раковину.

Тюбик врезался в чашку и разбил ее. И столько в этом движении было злости, что я медленно выпрямилась и всмотрелась в лицо мужа. Озарение пришло внезапно и было страшным. А он ведь совсем меня не любит!

Потому что когда любишь кого-то, то оберегаешь его душевный покой. Стараешься оградить от боли, страха и всего неприятного. Скрываешь плохие новости, врешь, что все хорошо, чтобы успокоить. Улыбаешься через силу, чтобы он не догадался, как тебе плохо. Чтобы не нервничал, не ворочался в постели ночами. Однако любящее сердце не обманешь. И если твой мужчина тебя любит, то все равно поймет, что с тобой не так. Скрыть от него ничего невозможно. Он услышит испуганный стук твоего сердца. В глазах прочтает усталость. Ведь он тебя чувствует. Мой Дима больше меня не чувствует. Более того, он не хочет ничего знать. Закрывается от меня стеной равнодушия.

Это так больно, словно без наркоза отрезают руку или ногу. Заживо сдирают кожу. Я даже дышать перестала от этой боли. А ему было все равно. Дима повернулся спиной ко мне, чтобы выйти из кухни. И тут у Сережи начался приступ. Сыночек побелел, губы его затряслись.

– Больно, мама! Очень больно! – захрипел он, скрючившись.

– Сейчас, милый. Мама тебе поможет! – я бросилась к шкафчику, схватила аптечку, высыпала ее содержимое на стол.

– Что ты стоишь, Дима? Налей воды! – закричала я.

– У него ничего не болит, – процедил Дима сквозь зубы. – Ты же помнишь, что врачи сказали: это не физическая боль.

– Какая раница? Это твой сын! Как ты так можешь?

– Если бы ты не устроила истерику, никакого приступа не было бы, – Дима взял стакан, налил воды и протянул Сереже.

Ребенок попытался взять стакан, но руки сковало судорогой. Я схватила стакан и поднесла его к губам сына.

– Вот, сыночек, прими успокоительное. Сейчас будет легче, милый.

Дима, как истукан, стоял рядом. И его губы сомкнулись в тонкую упрямую нить. У него тоже был приступ. Только не боли, а упрямства.

– Уйди, пожалуйста, – прошептала я. – Просто уйди, Дима.

– Да в кайф! Видеть не могу, когда он исполняет! – Дима вышел из кухни.

Я обняла Сережу, усадила на колени и начала тихонечко раскачиваться. Сыночек постепенно успокоился в моих руках. Никому мы не нужны, кроме друг друга. Никто нам не поможет. Я обвела взглядом уютную и обжитую кухню. Утром я зашла сюда замужней женщиной. А выйду одинокой. Дима еще со мной. Но его уже нет. Он где-то далеко, в чужой жизни, у чужой женщины.

– Давай, сыночек, отведу тебя в постель. Полежишь сегодня, отдохнешь, – я поцеловала теплый висок с тонкой кожей, под которой билась голубая жилочка.

– Не хочу, – покачал головой Сережа. – Сегодня контрольная. Потом придется одному писать. Мне уже лучше, мам, – он обнял меня за шею и прижался щекой к моему лицу.

Вот он, мой любимый мужчина. За одно такое прикосновение можно все отдать. Ничего, мы справимся. Мы сильные. Словно читая мои мысли, Серёжа прошептал:

– Мы с тобой супергерои. Я нарисую комикс о нас. Продадим за миллион и уедем, куда захотим.

– Только не рисуй меня в синих трико, ладно, сынок? Пожалуйста!

– Хорошо, – улыбнулся он. – У тебя будут белые трико.

– Боже упаси! Белый маркий и полнит!

– Мам, ну ты же идеальная супер-женщина! Тебе все идет. И потом кровь врагов сама стечет с трико, потому что они из такого супергеройского материала, который не нужно стирать. Он сам не пачкается.

– Ну ладно, если стирать не нужно, тогда можно и белые.

Я отвезла Сережу в школу и поехала в ателье. Не дай бог, если бы дизайнер Ульяна Сериненко, которой оно принадлежало, узнала бы, что мы между собой называем ателье ее супер-фэшн-бутик-студию дизайна. Она бы инфаркт получила. А я за годы работы в этом ателье так и не научилась выговаривать его полное название.

Моя бывшая начальница, Виолетта Соломоновна, встретила меня, как родную.

– Иди-ка обниму! – она сгребла меня и прижала к груди шестого размера.

Виолетта была высокой, полной, статной, с чёрными, как смоль, волосами, забранными в высокую причёску-ракушку. Ярко-красная помада была ее неизменной фишкой.

– Соломоновна, у меня тут мужское пальто, – я протянула ей пакет с пальто. – Очень дорогое. Зашить бы. Вчера случайно на него наступила.

– На мужчину наступила или на пальто? – уточнила Соломоновна, вытаскивая пальто из пакета.

– На пальто. Мужчина жив и здоров.

– Ну это понятно, – Виолетта встряхнула пальто. – С твоей комплекцией ему ничего не угрожает. И с дурными мозгами тоже. Если ты видишь такой дорогой шмот на мужике, таки наступи уже сразу на банковский счет, чтобы мужик никуда не дернулся. Нечем наступить – ляг сверху, зажми костями и лежи, не двигаясь. Ты хоть представляешь, сколько это стоит? – она накинула пальто на плечи. – Ой, дуры вы все. Учишь вас, учишь, и никакого с вас цимеса и шкварок!

Я улыбнулась. Впервые за много дней.

– Рыба моя золотая, ты очень осунулась, – она внимательно разглядывала мое бледное лицо и опухшие от слез глаза. – Шо так все плохо? Конец света или налоговая?

– Не налоговая, Соломоновна. Хуже.

– Ой, вэй! Что может быть хуже?

– У моего мужа любовница, – прошептала я.

Все женщины, что работали в ателье, застыли, с жалостью глядя на меня. Виолетта прижала к груди пакет и впервые в жизни помолчала минут пять.

– Соломоновна, может, послать гонца, чтоб принес он нам винца? Сегодня можно. С такими-то новостями, – одна из портних отложила в сторону роскошную вечернюю юбку, которую вышивала серебром.

– Я те пошлю! – скинулась Виолетта. – Слышь, Надюш, в прошлый раз послали Кильку за шампусиком, – она ткнула пальцем в худенькую девушку, которая старательно сопя, вшивала пояс в брюки.

Эта девушка Аня как раз пришла мне на замену в ателье за три дня до того, как я уволилась. Виолетта тогда презрительно оглядела ее тоненькую фигурку и вынесла приговор:

– Не, ты не Анка-пулемётчица. Ты от того пулемёта даже ленту не поднимешь. Будешь Килькой. Господи, шо ж ты в свое небесное ателье не набрал нормальных работников? Ну вот как можно было такое скроить?

– А я им всегда говорила, что пить вредно! – возмущенно продолжила Виолетта. – А на работе вообще недопустимо! А к нам после этого приехала Руковская, Белоснежка на пенсии. Хотела очередное платье с рюшами перешивать. А Килька шампусика вмазала. А ей же с ее теловычитанием много не нужно. Только пробку лизнуть. Короче, Килька ей банты вместо груди на задницу нацепила. Пожухлая Белоснежка тоже явно вмазанная была. Она подумала, шо так и надо, и в этом платье пошла на какую-то их тусовку. Короче, на следующий день все жёлтые сайты-гадюшники начали угорать над фасоном. Я подумала, шо все. Шо нас всех уволят. А Белоснежке понравилось. Потому что это был первый раз в ее жизни, когда кто-то посмотрел на то место, где у нормальных женщин попа, а у нее Пятигорский провал, – Виолетта погладила себя по мощным ягодицам. – Так нам ещё и премию дали. Пронесло, слава тебе, господи! Но с тех пор никакого вина! Только чай с тортом. Так что, Килька, греми костями в сторону магазина. Я чайник поставлю. Надюш, а ты вообще уверена, что твой босяк пошел проветрить свою лелейку?

– Я любовницу видела, Соломоновна. Она очень красивая!

– Ууууу! Не, тортик отменяется, – решительно заявила Соломоновна. – Килька, ползи за селедкой. Чапай думать будет! Я когда сильно думаю мысль, мне нужна селедка, и пожирнее бери.

– А может, сладенького? – с надеждой спросила Килька. – Оно тоже думать помогает.

– Вот потому у тебя и башка пустая, – пояснила Соломоновна. – Потому что ты рыбу не ешь. А в селедке фосфор и жирные кислоты, от которых мозг лучше думает.

Я достала из кармана кашемирового пальто айфон и спросила:

– Девочки, у кого-то есть зарядка для айфона?

– У меня айфон. Держи, – Килька протянула мне зарядник и я вставила его в розетку.

– Айфон-шмайфон, – пробурчала Виолетта. – Целыми днями по нему наяривает. Лучше бы ты на мужиках тренировалась!

Соломоновна сегодня была явно не в духе.

– У тебя-то что стряслось, Виолочка? – спросила я.

– Ой, что ты знаешь, шкильда-селедка! Что я имела! Приходит вчера перед закрытием уже один мушкетер, приносит пинжак с карманами из-под себя самого перешивать. Настоящий полковник! – она закатила глаза. – Моего возраста примерно, с полтос. Ну я кофту расстегнула, наклоняюсь к нему, а он ноль на массу. Это с моим то шестым размером! А я ж уже вся изогнулась, а он не мычит и не телится. Короче, я ему и говорю, ну ты ж знаешь, Надюня, все приходится делать самой. «Мушина» – говорю, – «Вы не могли бы быстрее среагировать на мои выразительные формы? Потому что в моем возрасте уже невозможно так долго изгибаться. Поезд уже таки ушел с того перрона, где осталась моя хыбкость».

Все в ателье тихо захихикали.

– Ну он в шоке, – Соломоновна двумя руками схватилась за грудь и подбросила ее вверх, поправляя лифчик. – И тут в ателье вползает зайчик такой лет двадцати и ноет: «Ну пусик, я же

там жду, в машине. Где ты?» Он красный весь стал. А я ей и говорю: «Пусик сейчас ищет бабу с руками, чтоб пинжак умела перешивать». Не ну ты видела? Измельчал мужик. Если такой солидный тоже бросается на малолеток, то что мне делать? Чует мое сердце, что в четвертый раз замуж не сходить. А мне ж всего полтос! А уже не за кого!

– Я тоже теперь одна, Виолочка, – заплакала я.

– А ты клювом не щелкай, Надюня! Ты борись.

– Как Соломоновна? Мне его двумя руками держать? – я села на стул и закрыла лицо руками.

– Его не удержишь. Ее нужно давить. Набей любовнице морду, – деловито посоветовала Соломоновна. – И не реви, Надюша, у мужика всегда есть кто-то на стороне.

– Неправда! – горячо возразила Килька, которая вернулась из магазинчика, что располагался через дорогу. – Есть и порядочные.

– Я тя умоляю! Не положи мне нервы! – поморщилась Виолетта, закатала рукава, расстелила на столе газету и принялась резать селедку. – Порядочные, пока не поймашь. Вон мой первый муж вообще завел себе любовницу через полгода после свадьбы. Я тогда беременная была. И жила под Одессой. Это ещё до Москвы было. А любовница его нашей соседкой была, – Виолетта отрезала кусочек чёрного хлеба, положила на него кусок селедки, ломтик свежего огурца и отправила в рот. – Прикинь: лихие 90-е. Все нищие. Зарплату не платят никому. Последний хрен без соли доедаем. А эта шалашовка в леопардовых лосинах и красном блузоне гарцует. И задница у нее вот такая, – Виолетта раскинула руки. – А мой всегда попы любил. Хотя это было ещё до кардашьяномании. А я тогда была худая и звонкая. Грудь всегда была. А попы не было. И меня прям тошнило от ее леопардовой задницы. Как сейчас помню: сижу на кухне, огурцы солёные из банки жру и реву. А дома-то частные. Все видно, что у соседей происходит. И у меня прямо перед глазами ее двор. А во дворе на веревке эти самые леопардовые лосины сушатся. Ну я забралась к ней в сад и ножницами их распанахала на мелкие куски. А она вылезла из дома – и в крик. А я ей тогда сказала: «Морду твою так же порежу». И все. Как отрезало во всех смыслах. Она моего мужа послала. Он потом домой приполз. Хвостом виляет, юлит. Еще много лет с ним прожили. А если бы я тогда его выбросила, то могла и одна остаться. И еще и с пузом. Так что ты, Надюша, пойдя к любовнице твоего босяка и прессани ее, как следует. Только одна не ходи. Меня с собой возьми, – Виолетта протянула мне кусок хлеба с маслом и селедкой. – Я ее так шкваркну, шо она забудет, где у нее то место, которым мужиков отбивают. То, что твой Дима погулял по буфету – черт с ним. Тебе меньше возни. Считай, что эта швабра твоего песика выгуляла. Главное, чтобы она его из дома не увела. Нужно затихариться и ждать. Перебесится мужик. Надоест она ему. Главное: виду не подавай, что знаешь. И следи за ней все время. Может, нужно как-то поведение своё поменять? Чему-то у нее поучиться? Чего-то ты себя запустила, рыба моя, – Соломоновна пристально оглядела мои потёртые джинсы и свитер.

– Не могу я с ним, – я отложила в сторону бутерброд с селедкой. – Противно очень. Может, мне уйти от него, а? Будем жить с Сереженькой вдвоем.

– Да куда тебе с больным ребёнком? – мягко возразила Виолетта. – Сама не потянешь. Ему лечение нужно дорогущее. Димка твой скотина та еще, но жилы себе рвал, чтобы сына в Германии оперировали. И ведь не один раз! Вы же там три раза были. В прошлом году вывез ребенка в Израиль. Можешь мне не рассказывать, сколько там стоит медицина. Моя дочка в Тель-Авиве живет. Там ему намного лучше стало. Они тебе тогда сказали, что нужно вернуться через год. Сама же говорила. Я тебя завтра могу на работу взять. Людей не хватает. Но ты за эту зарплату на лечение будешь лет десять копить, если не больше. И потом, ты подумай, Надюш, ты вспомни, как тяжело вам было, когда вы только в Москву переехали. Димка твой тогда в долги влез к серьёзным людям, чтобы первый свой грузовик купить. Пахал, как проклятый. И ведь довольно быстро раскрутился. С одного грузовика целую транспортную компа-

нию построил. Теперь вон грузы по всей России гоняет. А ты вместе с ним хлебнула. И почему нужно всё это чужой босячке отдавать?

Она была права. В Израиле Сереженьке стало намного легче. У них там дельфины фермы и лошадиные тоже. Для реабилитации детей, перенесших серьёзные травмы, как физические, так и душевные. В этом основная проблема с детьми: у них физические недуги вызывают целый букет психосоматических заболеваний и посттравматические отклонения в психике. Сереженька после случившегося с ним несчастья перестал разговаривать. Ему тогда было четыре года. И снова заговорил только в восемь. Он когда нервничает или пугается, чувствует дикую боль в спине и ноге. Физически там болеть уже ничего не может. Все прооперировано. У Сережи была серьёзная травма позвоночника и левой ноги. Мы с этим справились. Бегать и прыгать он не может. Но может ходить, сам вставать и садиться.

Но врачи говорят, что это похоже на фантомные боли. Бывает, что человеку отрезают ногу, а он чувствует боль в этой несуществующей ноге. Так и у Сережи: при сильном испуге он чувствует боль в повреждённой ножке и во всем теле. В Израиле мы два месяца жили на дельфиньей ферме. Сыночек плавал с дельфинами и результат был просто поразительный. Потом мы поехали на лошадиную ферму и там ему стало еще лучше. Иппотерапия – лечение общением с лошадьми. Сережа замкнут. Ему тяжело общаться с людьми, особенно со сверстниками. Потому что он чувствует свою ущербность. Уход за большим и чутким к эмоциям человека животным помог ему поверить в свои силы и справиться с тревожностью.

Но стоит это так дорого, что я сама не потяну. По крайней мере в нынешней ситуации, когда зависима от Димы и у меня вообще никакой работы нет.

– А теперь, шкильда-селедка, лови ушами моих слов. Сейчас я тебе буду делать еврейский комплимент. Знаешь, что это? – Соломоновна захрустела свежим огурцом.

Я отрицательно покачала головой.

– Ну это вроде: у вас такое красивое зеленое платье! Оно так подходит к вашему цвету лица!

– Я знаю, что плохо выгляжу, Соломоновна. Не добивай. Настроения нет. Командир, брось меня.

– Так оно и не появится, – решительно возразила Соломоновна. – Нет, я понимаю, что лечение ребенка очень дорогое. Но у Димы же вроде преуспевающая компания по перевозкам? Или все плохо?

– Да нет, дела идут хорошо. Просто я...

– Просто ты расслабилась. Эту куртку я помню, когда ты только в ателье устроилась. Я в такой на даче в огороде копошусь. И джинсы застиранные. И косметики ни капли. Как глиста в обмороке. Мне даже Диму немножко жалко, хоть он и босяк. Потому что он имеет то еще удовольствие на такое смотреть. Я бы на его месте уже добежала до канадской границы! Ты же похожа на мои неприятности, а не на жену порядочного бизнесмена. А против тебя эта никейва, то есть, подстилка, вся из себя расфуфыренная, как ребе перед бар-мицвой. А ты, как бездомная собака – чтоб я до этого не дожила – валяешься в кустах.

– Я люблю эти вещи, – я встала со стула и подтянула сползшие с бедер джинсы. – Они мне успокаивают нервы. Они из тех времен, кода у нас с Димой ничего не было. Но мы были друг у друга. Не хочется мне ничего, понимаешь? Настроения нет. Плохо мне очень, Виолочка.

– У нее депрессия, Соломоновна, – авторитетно заявила Килька. – Ей нужен коуч. Ну в смысле: тренер для личного роста и одновременно психолог, – пояснила она, видя глубокое непонимание в глазах Соломоновны.

– Ой, я тебя умоляю! – закатила глаза Соломоновна. – Мне таки нравится, когда яйца учат курвицу. Коуч-шмоуч! Ей нужен хороший мушкетер и немножко мазла. Удачи, то есть. Так это нужно всем. Я не знаю, шкильда, шо у вас там было, но у меня сейчас будет инфаркт от твоих шмоток. – Клянусь тебе всем святым: здоровьем моей дочки, внучки – шоб она мне была

здоровая там, где она сейчас сидит – и заначкой под полом кухни, что если еще раз увижу тебя в этом, то своими руками все эти одежки порэжу! Причем я буду рвать, метать и показывать тебе жёлтую жизнь! Запомни основное правило обманутой жены: если у твоего мужа любовница, ты обязана держать удар и форму. Так выглядеть, как никогда! Чтобы комар обрезание не подточил!

– Носа не подточил, – хихикнула Килька. – Носа!

– Я и говорю: обрезания, – Соломоновна метнула на Кильку грозный взгляд и та юркнула за гору вещей и затаилась там. – Ты меня поняла, шкильда?

Я молча кивнула.

– Не слышу! Таки открой рот с этой стороны! – она грозно уперла руки в бока.

– Ну все-все, поняла, – поспешно ответила я. – Правда, выброшу их.

Айфон, наконец, зарядился. И сразу же зазвонил.

– Кто вы? – раздался на том конце линии требовательный мужской голос.

– Надя. Мы с вами были там, за машиной. Помните?

– Это вы так подрабатываете? – ледяным тоном осведомился он. – Таскаете из карманов телефоны и продаете владельцам? И сколько мне будет стоить возврат телефона?

– Да вы. Да я... – у меня аж голос сел от его наглости, пришлось срочно брать себя в руки, чтобы не нахамить. – Я верну ваш телефон абсолютно бесплатно.

– Благодарю! Могу подъехать к вашему дому.

– Лучше встретимся где-нибудь на нейтральной территории.

– Кофейня «Ван Гог» на Патриарших в три. Вас устраивает? Такси я оплачу.

– Не нужно. Я на машине. Буду ровно в три.

Платон

Надя опаздывала. Платон, который не терпел опозданий, тихо скрипел зубами. Он открыл ноутбук и начал просматривать эскизы неоконченного портрета бывшей жены и ее фотографии. Как ухватить этот нерв? Эту буйную натуру? Удержать в браке так и не смог, так хоть запечатлеть на холсте навсегда. Но как она может спать с этим неандертальцем?

Самое ужасное, что физиономия любовника его бывшей жены была знакома Платону. Где-то он уже видел эту наглуго ухмылку, которая выдавала нереальную уверенность в себе. Где же? Платон напряг память, но тщетно.

Обычно интерьер кофейни его успокаивал. Платон не терпел свет и солнце. Он мог бы, как вампир, вечно жить в темноте. Кофейня «Ван Гог» была оформлена в стиле одной картины великого мастера «Ночь в Шарли»: темно-синие стены, тяжелые шторы черного цвета, создававшие затемнение, а на потолке звездное небо и спирали галактик. Из освещения – только желтые светильники на стенах в форме звезд. Официанты, одетые в желтые, светящиеся в темноте рубашки, тихо скользили между столиками.

Но сегодня Платону было недостаточно темноты и тишины. Его одолевали тревога, беспокойство. Чего-то хотелось. Чего – он сам не понимал.

– Извините за опоздание, пробки, – Надя повесила куртку на спинку синего бархатного стула и села. – Вот ваш телефон, – она протянула Платону айфон. – А это пальто. Защищенное. Работали профессионалы, так что ничего не будет видно, – она положила на стол черный пакет.

– Зачем вы? – Платон растерялся. – Спасибо, конечно.

– Я порвала, я и зашила, – пожалала плечами она.

Платон был раздосадован. Черт с ним, с пальто! Ему хотелось уйти. Весь остаток дня был забит деловыми встречами. Но вежливость требовала хотя бы предложить ей кофе. Что он и сделал в надежде, что она откажется.

Но Надя неожиданно согласилась. Платон внутри вскипел. Она забирала у него драгоценное время. Он заказал ей кофе и взял телефон, просматривая многочисленные сообщения. Вежливость обязывала поддерживать беседу.

– А ваш муж чем занимается? – поинтересовался он, просматривая почту.

– Перевозками. У него своя транспортная компания.

– Понятно, – машинально ответил Платон и вдруг замер.

Он вспомнил, где видел ее мужа. Платон сжал зубы и едва не застонал. Ну, конечно! Перевозки! Полгода назад в его галерее проходила выставка скандального и знаменитого на весь мир скульптора. Адель, тогда еще жена Платона, занималась всей логистикой. Именно она нанимала транспортную компанию для перевозки работ скульптора.

Платон был очень занят. Мотался по Европе с одного аукциона на другой. Но на открытие выставки прилетел в Москву. Потому что гости были один важнее другого. Упускать такой момент завести связи было нельзя. Платон и не упустил, фотографируясь с важными шишками, раздавая интервью прессе и отпуская щедрые комплименты скульптору. Вот только Адель он упустил. Гопника он видел всего один раз, за несколько часов до открытия, когда грузовики один за другим доставляли скульптуры. Платон подошел к жене, чтобы поцеловать ее и поздороваться. Адель мило беседовала с неандертальцем и едва обратила внимание на мужа. Лишь представила их друг другу.

– Знакомься, Платон, это Дмитрий. Он владелец компании, которая перевозит наши скульптуры. Лично приехал, чтобы проследить за разгрузкой.

– Как никак шедевры, – улыбнулся гопник. – Не каждый день такое возим. Вот сфоткаться хочу. Чтоб пацаны заценили, – он зажал в грубой лапище телефон, прижался к Адель,

которая стояла возле уже разгруженных скульптур, и щелкнул затвором камеры. – Типа культура там, духовность, туда-сюда, все дела! – хмыкнул он. – Не все ж жратву с мебелью возить.

Платон тогда едва сдержался. Культура и типа духовность. Хорошо хоть пальцы веером не распушил.

– Наслаждайтесь, – Платон растянул губы в вымученной улыбке и ушел в свой кабинет.

Если бы он знал, какую роль в его жизни сыграет этот «туда-сюда культура», то, наверное, сразу бы его придушил.

Надя зябко поёжилась, вытянула рукава свитера до пальцев и взяла кофе обеими руками. Бежевый свитер натянулся на груди. Платон машинально отметил, что грудь неплохая, хоть и маленькая. Ну хоть что-то хорошее, и на том спасибо. Но этот жест поразил его. Такая серая мышка, девочка из маленького городка. Ксюша-Ксюша-Ксюша, юбочка из плюша, а жест слишком нервный, аристократичный даже. Как-то он не вязался с общим обликом. Платон, как художник, привык подмечать такие мелочи. И руки изящной формы. Пальцы нервные. Такие бывают у музыкантов.

Надя сделала глоток, глядя мимо него. И в этот момент выключился свет. Кофейня погрузилась в крошечную тьму. Официанты забегали между столиками, расставляя свечи.

– Извините за неудобство! Сейчас всё починим, – официант, который принес кофе, зажег желтую свечу и поставил ее рядом с Надей.

И вдруг в золотистом блике свечи, посреди бархатной тьмы, Платон на миг увидел другую Надю: худое, измученное лицо, небрежно поднятые вверх волосы, упавшие на щеки пряди, тонкие руки, судорожно сжимающие чашку. Золотой профиль в полной темноте. Перед ним сидела Адель. Но не его жена, а Адель Блох с картины Климта! У Нади был ее нерв, привычка дергать шеей и слегка сводить лопатки. Ее странное выражение лица, которое многие не понимали. Искусствоведы, арт-дилеры, художники безуспешно пытались разгадать, что чувствовала эта женщина.

Платон понимал. Память о сломанных крыльях – вот что это было. Печальная история в прошлом. У Нади и золотой Адели одну жизнь назад были крылья, сотканые из любви мужчины. Предательство любимого сломало их. Но осталась память тела. И холод в спине, которая больше не была прикрыта крыльями.

Платона всегда притягивали женщины со сломанными крыльями. Когда-то такой он увидел Клаву – девочку из провинции, которая сама пробивала себе дорогу. Ей никто не помогал. На первом свидании Платон пригласил ее в ресторан. Она ела степенно и медленно. Но он привык подмечать мелочи. Он видел, чего ей стоила эта медлительность. Ее руки дрожали от нетерпения. Он пошел в туалет, чтобы не смущать ее. И, стоя за углом, видел, как жадно она набросилась на еду, едва он скрылся из поля зрения.

У нее была какая-то мутная история с отчимом. Она никогда не ездила домой, не звонила матери и не рассказывала о семье. Платон понимал, что эта тема – скрытая боль. При любых расспросах по ее лицу пробегала темная тень. И Платон принял это за сломанные крылья. Но у Клавы они просто сложились, ожидая своего часа. И после замужества два крепких черных крыла развернулись за ее спиной. Поэтому он так и не смог написать ее портрет. Любовь к демонам – отдельная тема. Она была у Врубеля, который всю жизнь их рисовал. Платон не любил ни Врубеля, ни демонов. Потому что с детства был с ними знаком.

Жесткий и непримиримый отец Платона полностью подавлял его мать – тихую, нежную и очень утонченную натуру. Поэтому Платон жестко конфликтовал с отцом, защищая мать. В десять лет по настоянию отца он начал посещать психолога. Психолог рассказал маленькому Платону про Эдипов комплекс: ненависть к отцу и любовь к матери. Отец жил своей жизнью

и менял любовниц, как перчатки. Он искал вдохновения. А его мать искала любви и покоя. День ее смерти Платон запомнил навсегда.

Она приготовила завтрак, сложила белье в шкафу, собрала его в школу. Платону было одиннадцать лет. И вдруг прижала его к себе и прошептала:

– Прости меня, сынок!

– За что? – не понял Платон.

Она не ответила. Он ушел в школу. Два урока все думал о ее странной фразе, не выдержал и побежал домой. Мать лежала в ванной. Он навсегда запомнил ее тонкую, безвольно свисшуюся с края ванны руку с перерезанными венами. А за спиной торчали обломки высохших и сломанных крыльев.

После этого Платон впервые увидел Адель Климта и сразу узнал это выражение лица женщины, которую разлюбили, которая потеряла крылья. С тех пор он начал искать это в женщинах. С Клавой он ошибся, да. Она запутала его своей любовью к картине, когда сказала, что тоже помешана на ней. Картина Климта стала своего рода паролем, с помощью которого Платон безошибочно узнавал тех, кто потерял самое важное в жизни: чью-то любовь. Кто знал, что такое полет и падение в пропасть.

Поэтому за картину так дрались арт-дилеры и коллекционеры. Обычная публика не понимала этого безумия. Клава понимала. Поэтому она стала Аделью. А Платон стал ее мужем. Позже он сообразил, что Клава просто воспользовалась ситуацией. Сказала ему то, что он хотел услышать. Но сейчас ошибки быть не могло. Надя была такой же, как его мать и золотая Адель Климта.

Фердинанд Блох, муж золотой Адели с картины Климта, богатый еврейский торговец из Вены плохо разбирался в искусстве. Зато хорошо понимал в жизни и интригах. Его жена утонченная Адель, которую выдали за него замуж по шиддеху – сватовству – едва терпела его грубую натуру. Поэтому и завела модный салон, в котором бывали известные художники и литераторы. Яркая и необычная, она влюбляла в себя мужчин с первого взгляда, не будучи красавицей. Художник Густав Климт не стал исключением.

Между ними завязался пылкий роман. Вся Вена обсуждала это событие. Но в еврейской семье ни о каком разводе и речи быть не могло! Тогда Фердинанд начал думать, как без лишнего шума вернуть Адельку – он всегда называл ее только так. И придумал нечто гениальное: он заказал у Климта портрет жены, но с условием, что художник должен сделать ровно сто эскизов.

Он пообещал художнику огромный гонорар. Но еще больше был штраф за невыполнение работы. Фердинанд знал, что Климт часто менял женщин, муз, натурщиц. И предполагал, что Аделька ему попросту надоеет, если он будет встречаться с ней каждый день. Художник выполнил свою работу. Фердинанд оказался прав: Адель надоела Климту, и он бросил ее. Сначала подарил крылья, а потом сам же их и сломал. А в ее глазах навсегда осталась память о сломанных крыльях. И растерянность женщины, которую внезапно разлюбили. И эту память о предательстве любимого мужчины Климт гениально запечатлел на холсте.

Надя молча пила кофе, в котором отражался золотой огонек свечи. Как сказочная фея, что пьет нектар волшебных цветов. Платон не мог отвести от нее глаз. Ему хотелось прикоснуться к ее спине. Там, где в прошлой сказочной жизни у нее росли серебристые крылья. Ты, Наденька, носила их элегантно и невесомо, укрытая волшебством любви. Зимой они покрывались пушистым снегом. Осенью намокали от дождя. И ты злилась на дождик. И открывала желтый зонтик, чтобы они не намочили. Ты укрывала ими любимого по ночам, чтобы свет любопытных звезд не будил его. Они ведь всегда подглядывают за влюбленными, эти невыносимые звезды. Подглядывают и сплетничают. А когда твой мужчина засыпал, ты летала по ночам над сказочным городом, и луна улыбалась тебе, расцветившая крылья серебряной кисточкой.

А потом сказка закончилась. Муж разлюбил тебя. И ты разучилась летать. Как жаль, что ты всё позабыла.

4 глава. Картошка в мундире

Экран телефона вспыхнул ледяным голубым светом. На экране телефона высветилось сообщение от Мамикона:

«Я жду, и времени мало».

Темноту кафе разрезало на три осколка: лед голубого экрана, желтое пламя свечи и золотой профиль Нади. Этот контраст ударил по глазам. В висках Платона застучал пульс. Адреналин мощным потоком хлынул в кровь. Платон словно проснулся от долгого сна. Всё стало ненужным и неважным. Всё, кроме одного: образа Нади.

Как долго он ничего не чувствовал! Словно спал. Развод, бизнес, проблемы, деньги – с утра до ночи крутился, как белка в колесе. Но во сне. На автомате. Робот – именно так он сам себя видел со стороны. А Муза спала. Как бабочка в коконе. Плотном, в чём-то уютном и скучном, но хорошо знакомом. Психологи называют это прокрастинацией. Искусствоведы – ступором. А писатели и художники говорят просто: неписун.

Вначале Платон страдал. А потом привык. Не всем же летать, кому-то нужно и на земле двумя ногами стоять – так он сам себя успокаивал. Муза, отчаявшись ждать, пока он проснется, обернулась тёплым одеялом покоя и окуклилась в мягком сонном коконе.

И вдруг три осколка цвета: льдисто-голубой, жёлтый и золотой вспороли кокон покоя, и бабочка выпорхнула на волю. Голодная, дрожащая, она раскрыла крылья, посмотрела на себя в зеркало требовательным женским взглядом, вздохнула и превратилась в прекрасную Музу.

– С тебя причитается, Аверин! – шепнула она на ухо Платону. – Начни писать. Иначе сожгу!

Она не врала. Платон чувствовал, как внутри него загорается огонек нетерпения. И желание похитить натурщицу, утащить в мастерскую, закрыться с ней там навсегда и писать без прорыва сутками напролет. Только вот натурщица Надя о его планах ничего не знала.

– Спасибо за кофе, пойду, – она отодвинула чашку и встала.

Остановить ее. Немедленно! Не дать уйти! Платон встал, подал ей куртку. На экране телефона снова высветилось сообщение от Мамикона: «Поторопись! У дяди Мамикона терпелка маленький».

План действий сложился в голове моментально. Словно кто-то нашептал его на ухо.

– Подождите! – Платон схватил Надю за руку.

Она вздрогнула и жалобно попросила:

– Отпустите, пожалуйста!

– Извините! – он торопливо отдернул руку. – Надя, вам нужна работа?

– Работа? – удивилась она. – Какая?

– Хорошо оплачиваемая.

– И что нужно делать?

– Позировать. Будете моей натурщицей.

– Голой позировать? – уточнила она.

– Не уверен, – улыбнулся Платон. – Но не исключено.

Она вспыхнула и задохнулась от возмущения:

– Да вы... да как... вы смеете? Неужели я похожа на... – она не договорила, схватила сумку и побежала к выходу.

– Постойте! – Платон бросился за ней, сшибая по дороге стулья. – У вас какие-то странные представления о работе натурщицы. Вы, наверное, не разбираетесь в искусстве?

– Не делайте из меня дурочку! – разозлилась она. – Я не вчера родилась. Не нужно было зашивать вам это чертово пальто и отдавать телефон, – она попыталась застегнуть куртку, но руки так дрожали, что застёжка-«молния» никак не поддавалась. – Не обеднели бы! – отчаяв-

шись справиться с «молнией», она в распахнутой куртке выскочила на улицу и скрылась за стеной метели.

Платон улыбнулся. Никуда ты не денешься. Слишком легко тебя найти.

Он позвонил Мамикону и сказал:

– У меня есть гениальная схема. Сейчас приеду.

Мамикон ждал его в своем офисе. Со стороны он казался невозмутимым и даже расслабленным. Ноги он удобно забросил на роскошный стол из черного дерева. А руки беспрестанно двигались. Мамикон давил орехи в ладонях и забрасывал ядра в рот. Скорлупки небрежно бросал в золотую пепельницу. Платон слишком хорошо его знал. Мамикон нервничал. Видимо, отстирать деньги нужно было очень срочно. Иначе он так бы не давил на него.

– Ну? – нетерпеливо спросил Мамикон.

Платон налил стакан воды из графина и выпил до половины. Больше не успел. Мамикон выхватил стакан из его рук и швырнул в корзину для мусора.

– Давай делай мне белька, как у Пушкина, – он набрал полную пригоршню орехов и высыпал их в пепельницу. – Чтобы скорлупка золотые, ядра чистый навар. Ну?

Платон кратко изложил ему план. Мамикон удивленно поднял бровь и с уважением сказал:

– А ты не зря свой хлеб кушаешь, – он швырнул горсть орехов на стол, достал из кармана черный шелковый платок с золотой монограммой и вытер руки. – Даже хорошо, что из тебя не получился художник. Иначе гениальным бизнесменом ты бы не стал. Но тут вот какой засада: нужна та самая натурщица. И где ты ее возьмешь?

Платон улыбнулся и достал из кармана телефон.

– У меня есть кое-кто на примете. Сейчас ей позвоню. А ты веди себя тихо, иначе спугнем. Девушка нежная и робкая.

– Нежный цветок и чистый родник? Это я люблю, – осклабился Мамикон. – Порядочные женщины стоят дорого. Гораздо дороже, чем честные давалки. Зато так интереснее.

Надя

Я выскочила из кафе. Метель совсем разбушевалась, бросая в лицо пригоршни снега. Но собачий холод не мог охладить мою злость. Я так пылала от ярости, что даже не запахнула куртку, пока бежала к машине.

Он принял меня за подстилку. Псих ненормальный! Сначала глядел сквозь меня, словно я мебель. А когда вырубился свет, вдруг завёлся. Я видела, как сверкали его глаза. Как жадно он на меня смотрел. Зачем я ему? Холеный избалованный москвич из богемы. Барин до мозга костей. Понимаю, отчего он так вспыхнул. Это из-за Димы и его любовницы: бывшей жены этого барина. Платон решил отомстить Диме через меня. Это у мужчин принято. Дима всегда говорит: «Если я сплю с женщиной, то это я ее. А если спят с моей женщиной, то это меня...».

Не помню, как доехала домой. Метель не стихала. Дворники едва справлялись со снегом. Но в моем доме погода была не лучше. Крики мужа я услышала, как только переступила порог. Не разуваясь, бросилась в комнату сыночка.

Сереза сидел за письменным столом у компьютера. Дима нависал над ним.

– Че это за гоблин с меченой рожей? – он ткнул пальцем в экран компьютера. – Нормального не можешь нарисовать?

– Это Ведьмак. И он герой, – тихо ответил Сереза, продолжая раскрашивать рисунок в Фотошопе. – Он один против всего мира и чудовищ.

– Че за бабские сказки? Какие еще чудовища? И вообще отложи эту хрень, когда с тобой отец разговаривает! – Дима схватил ноутбук и швырнул на кровать.

Сереза сидел неподвижно. Лишь стиснул зубы, опустил глаза и побледнел.

– Что ты от него хочешь? – я бросилась на защиту ребенка.

– Чтобы мужиком рос. Говорю же: на рыбалку еду с пацанами. Они своих сыновей берут. Пусть поедет, а то задница скоро корни в кресло пустит.

– А я тебе говорю, Дима, в сотый раз, что ему нельзя. Он нездоров! – хотела шепотом, но вышло криком.

Потому что невозможно же разговаривать с таким упертым человеком. Я с трудом взяла себя в руки и продолжила уже спокойнее: – Серезе трудно общаться с людьми. Особенно в незнакомой обстановке. Тем более, на природе, где даже здоровым людям не всегда комфортно чисто физически. Как ты не понимаешь?

– Я понимаю только одно: твое бабское воспитание его погубило. Пусть проветрится. Ничего с ним не случится. Я буду рядом.

Серёжа тяжело задышал и начал растирать больную ногу обеими руками. Его трясло. Лицо заострилось, губы побелели.

– Посмотри, до чего ты ребенка довел! – я опустилась на колени перед сыном и начала сама массировать ему ногу.

– Я довел? – возмутился Дима. – Да мы нормально общались, пока ты не пришла. Я даже его картинку смотрел. Всю эту фигню, которую он малюет.

– Нормально это как? Ты орал, а он слушал? Ты компьютер отнял, а он не пытался сопротивляться? Ты это называешь нормальным, Дима?

– Да пошли вы все! – Дима с досадой махнул рукой и выскочил из комнаты.

Серезе становилось все хуже. Его била такая сильная дрожь, что он прикусил губу и из нее пошла кровь. Он тихо застонал и без сил облокотился о спинку кресла.

– Сейчас, сыночек. Сейчас, мой родной! – я бросилась к комоду и так рванула ящик, что он вылетел из пазов.

Опрокинула коробку с лекарствами на кровать. Быстро вытряхнула на ладонь несколько таблеток сильного успокоительного и дала ему. Прижала к себе и посмотрела на часы. Время

ползло, как улитка. Прошло пятнадцать минут. Пора бы уже лекарству подействовать. Но оно отчего-то не помогало. Сереже становилось все хуже.

– Пойдем, мой хороший, пойдем! – я подняла его на руки и понесла в ванную.

– Дай мне, он тяжелый, – Дима, который стоял в коридоре, с готовностью протянул руки.

– Уйди! – одними губами прошептала я, чтобы Сережа, который прижался ко мне, не услышал. – Богом молю: уйди!

Дима побледнел, пошел в спальню и закрыл за собой дверь.

Я положила Сережу в ванну и открыла кран. Горячая вода быстро наполнила ванну до краев. Сережа начал постепенно успокаиваться.

– Вот так, мой дорогой. Сейчас будет легче.

Вода всегда его успокаивала. Даже в тех случаях, когда не помогали лекарства. Но, видимо, успокоительное, все же начало действовать. Сережа уснул, держа меня за руку. Я еще немного подождала. Подняла его, завернула в пушистое полотенце, отнесла в комнату и положила в постель. Его лицо во сне разладилось. Grimаса боли исчезла. Он спокойно спал, ровно дыша. Я легла рядом.

Так бы и лежала всю жизнь, слушая его дыхание. В уютной кровати возле стены, на которой были развешаны распечатанные с компьютера рисунки Сережи. Он обожал Ведьмака – персонажа известной серии фэнтези-книг, по которым создали игру. Всюду был Ведьмак: с мечом, на коне, в окружении чудовищ, которых он побеждал. Я всегда боялась, что однажды увижу на рисунке сына чудовище с чертами лица Димы.

Сережа протяжно вздохнул, сонно бормоча что-то во сне, и повернулся лицом к стене. Я осторожно встала, на цыпочках вышла из его комнаты и зашла в спальню. Дима лежал на кровати с пивом в руках и смотрел очередной криминальный боевик.

– Даже не начинай, – угрожающе зарычал он.

Титаническим усилием воли я подавила слезы и желание закричать и затопать ногами.

– Ты же знаешь, Дима, что ему сложно, – спокойно начала я.

Видит бог, чего мне стоило это спокойствие. Как говорит в таких случаях Соломоновна: «Если бы кто-то сейчас лизнул мое сердце, он бы сошёл с ума!»

– Лечение еще не окончено. Вместо того, чтобы доводить ребенка до приступов, лучше давай его снова отвезём в Израиль. Ему там помогли! Ты же помнишь, что он вернулся другим.

– Это мне помогли карман облегчить, – фыркнул Дима. – Че за бред? Лошадки, дельфины, он что девка? Они же ясно сказали, что боли похожи на фантомные, то есть ненастоящие. Вот я его и лечу. Думаешь, я просто так пытаюсь его на рыбалку вытащить? Какая разница: израильские дельфины или наша родная русская рыба? Одна и та же хрень, только без дикого бабла.

Невероятно тяжелый человек! Если сам себе что-то вобьет в голову, то хоть умри, но он не отступит. Как ему объяснить, что фантомные боли – это чистая психосоматика? И что знаменитая израильская методика лечения психосоматики на дельфиновых и лошадиных фермах действительно всем помогает? И что душевную травму невозможно вылечить его жёсткими методами воспитания?

– Дело ведь не в том: русская это рыба или израильский дельфин. Дело в том, что Сережу учат не бояться контактов с окружающим миром. Его там учат примирению с самим собой. Поиску себя, больного человека, в этом мире. Пойми же, Дима!

Он только саркастически хмыкнул.

– Тебе что на сына денег жалко? – не выдержала я и сразу осознала свою ошибку.

Но было уже поздно.

– Мне жалко, что ты за такие бабки из него гондураса делаешь, – Дима вскочил с кровати. – Это он с жиру бесится. Если бы ему нужно было, как мне, с четырнадцати лет себе на жратву зарабатывать, у него не было бы времени на всю эту психологическую фигню. Я из-

за него в Москву переехал. Пахал, как проклятый, чтобы его лечить. Мог бы еще три бизнеса открыть, если бы не его лечение. На ноги его поднял. Он же трудом ходил на двух костылях. Ты не помнишь этого? Весь скрюченный был, как Баба-Яга. А теперь нормально ходит. Я бы еще столько же отдал, только бы он стал нормальным. Я бы себе жилы вырвал, только бы у меня был сын такой, как я. Мужик! Хромой, косо́й – по фигу! Но чтобы боец по натуре. И я бы тогда кадык вырвал любому, кто на него осмелился бы пасть открыть.

А он бы стал мужиком, если бы не ты! И теперь нужно башку ему лечить. По-мужски, а не по-бабски. Характер нужно закалять!

– Ты ничего в этом не понимаешь, Дима! Ты не умеешь лечить психосоматику. И рыбалка твоя, и мужское воспитание не помогут.

Дима подошёл ко мне, схватил за плечи, встряхнул и прошипел:

– Это ты не умеешь ни сына растить, ни мужа убажывать. Это из-за тебя он такой. Забыла, что сделала? И ты еще меня попрекаешь? Надюха, ты чего такая дерзкая стала, а? Ты даже убережь его не смогла. Бестолочь! Как же меня достало это все! Эта безнадега! Эти твои вечные сопли! Он же почти вылечился. А ты снова все испортила. Тема у тебя такая по жизни: все обгадить! – он швырнул меня на кровать.

Я закрыла лицо руками и заплакала.

– Ну прости, Надюха! Не хотел тебя ронять. Ну хватит, – он сел рядом и погладил меня по плечам.

– Руку на меня уже начал поднимать, – прошептала я. – Всё, что угодно было, но только не это.

– Да не поднимал я. Черт! – он вскочил с кровати и зашагал по комнате взад-вперед. – Че ты лезешь под горячую руку? Я ж вспыльчивый, ты же знаешь. Случайно вышло. Не папански. Согласен. Ну сорян! – он снова сел рядом и погладил меня по ногам.

Я села на кровати, скрестив ноги по-турецки. Он гладил мои колени, задумчиво глядя в окно. Мне нужно его убедить во что бы то ни стало. Превозмогая себя, я прижалась к Диме. Потянулась к его губам и поцеловала уголок рта. Дима обнял меня и прижался щекой к моему виску. Ночная кукушка дневную перекукует. Может быть, мне удастся сломить его упрямство исконно женским методом? Мы так давно не были вместе! И сейчас, чувствуя вину за то, что толкнул меня, Дима вдруг потянулся ко мне и крепко обнял так, как раньше. Я уловила раскаяние, тепло, желание измениться. Даже интонации его стали мягче. Он не увернулся от ласки. Наоборот, нашел мои губы и поцеловал. Неужели такое возможно? В сердце затеплилась надежда. Злость на него, боль от измены куда-то отступили. Мы снова были вместе. Я и он. Как когда-то. А может быть, черт с ней, с любовницей? Ну пошел мужик налево. Не я первая, не я последняя. Всё перемелется и утрясется. Он отгуляет и вернется к нам с Сереженькой. И мы опять будем семьей. Ведь, в конце концов, Дима прав в одном: он всю жизнь свою переломал. Кожу с себя снял, наизнанку вывернулся, чтобы вылечить сына. Помню радость Димы, когда после трех операций в Германии Сережа впервые пошел сам, без костылей. Димка, мой Димка, правильный пацан, которого воспитали, что мужчины не плачут, разрыдался, как ребёнок, посреди немецкой клиники, неумело вытирая кулаком слезы. Врач вывел Сережу из палаты в коридор, взял у нашего сыночка костыли и сказал:

– Медленно и осторожно иди к родителям.

– Ну, а теперь давай, мужик. Сам давай! – Дима присел на корточки и широко раскинул руки.

И Сережа пошел нам навстречу. Неловко переставляя ноги, держась за стены, но пошел. Никогда не забуду это острое счастье! И Димкин рёв, когда он сгреб нас с Серёжей в медвежьи объятия и заорал:

– Вот теперь заживем, родные мои!

Пожилая медсестра, не понимающая по-русски, с ужасом уставилась на него.

– Живем, мать, живем! – Дима подскочил к ней, ухватил за щеки обеими урками и поцеловал.

– Ферюкт! – смеясь, отбивалась она.

– Псих! – любезно перевел русский доктор.

– Ты права, мать! Я псих! Псих! – заорал Дима, схватил одной рукой Сережу, второй меня, прижал к себе, поднял и закружил по коридору.

Где это все? Очень не хотелось спорить и ссориться. Но выхода не было. Ради Сережи я буду терпеть, унижаться, всё, что угодно. Я запустила руку под рубашку мужа, прижалась губами к его губам и прошептала:

– Ты не понимаешь, Димочка!

Он мягко отодвинул меня и встал.

– Да где уж мне? – Дима подошел к окну, засунул руки в карманы и прижался лбом к стеклу. – Это ты у нас чуткая, а я болван деревянный. Только пахать умею, как трактор. Чтобы у вас с Серёгой была квартира, эти долбаные гаджеты, жратва хорошая, чтобы ты могла целый день фигней страдать и не работать.

– Да, ты сделал много. Очень много. Но ты не со мной, Дима! Ты уже начал нас куском хлеба попрекать!

– Я не попрекаю. Я тебе, дуре избалованной, объясняю, что у тебя есть. Чтобы ты понимала и ценила это.

– Ты не рядом, Дима. Ты не с нами.

Он повернулся ко мне и нахмурился:

– Я всегда с тобой и с ним. Чего тебе еще нужно? Вот он я, здесь.

Нет, он не рядом. И уже не с нами. В этот момент я почувствовала, как между нами лопнула кора земли. И по полу спальни зазмеилась пылающая ярким огнем трещина. Если бы можно было выбрать слова, которые я хотела бы слышать каждый день до конца жизни, это были бы не «я тебя люблю» и прочие банальности. Я бы выбрала простое и тихое: «Я рядом в радости и горе. До конца».

А он больше не рядом. Он все время противопоставляет себя нам с Сережей.

– Ты все время против нас, Димочка. И сам этого не понимаешь. Не с нами ты больше, не с нами, – я заплакала.

– Чего? Это я не с тобой? – взвился он, тыкая себя пальцем в грудь. – Это ты не со мной. Москва эта понтовая тебе весь мозг вынесла.

– Дима, что ты имеешь в виду?

– А то, что ты всегда была нормальная девчонка. Я на такой женился. Слушалась меня, никуда не лезла и была кайфовая. Сказал, что в Москву едем – за один день собралась. Трусишки в сумку покидала без споров и вопросов. А теперь ты душная, Надюха. Ты вся изменилась. И сама себя со стороны не видишь. На понтах, как на рессорах. Свое мнение у тебя по каждому вопросу. И всегда ко мне в контрах.

– Да о чем ты, Дима? Я же всегда с тобой советуюсь.

– Когда тебе это выгодно, – грустно усмехнулся он. – Ну сказала бы прямо: хочу этого и того. И все. Чё могу, дам без лишнего базара. Так нет, всё у тебя с вывертами. Ты даже даёшь мне, когда тебе что-то нужно.

– Неправда! – возмутилась я.

– Кривда, – хмыкнул он. – Думаешь, я не понял, что ты давно уже до финала не доходишь? Терплю твои спектакли, потому что не хочу разборок. Не кончаешь – твоя проблема.

Вот оно в чем дело. Я думала, что он не замечает обмана. Это меня всегда поражало в Диме. Грубый в жизни, он был невероятно внимательным в постели. Всегда ждал, когда я буду с ним на одной волне. Никогда не доходил до финала первым. Диме было очень важно, чтобы

мне было так же хорошо, как ему. Он не стеснялся спрашивать, как мне лучше, все время находя новые возможности. Я жутко стеснялась его вопросов. А он не понимал, почему это стыдно.

И как же я могу получать удовольствие сейчас, когда он меня все время упрекает и совершенно не думает о ребёнке? И если в любовнице ищут то, чего нет в жене, значит, я была права. У моего мужа и этой швабры забойный секс. Такой, как был у нас с Димой до трагедии с Сережей. Разве я виновата, что от горя перестала всё чувствовать? Я получаю удовольствие, но не до конца.

И снова я виновата. Никчемная мать и жена.

– Мне пацаны давно говорят, что не умеешь ты ценить меня. Правы они. Всё тебе мало. Всё тебе не так. Мозг выносишь, аж черепушка кипит, – Дима подошел к шкафу и начал переодеваться.

Скинул повседневную одежду и надел выходную рубашку, новые брюки и пиджак.

– Ты куда на ночь глядя? И еще и такой нарядный?

– На Кудыкину гору, – огрызнулся он, взял с туалетного столика флакон одеколона «Пако Рабан», который я ему подарила на Новый Год, и щедро опрыскал себя.

Это невыносимо сидеть вот так и смотреть, как он прихорашивается для другой женщины!

– Зря я за тебя замуж пошла! – не выдержала я.

– А у тебя что был выбор? – ухмыльнулся он, причесываясь. – Кто позвал, за того и пошла. Ты же не Вера Брежнева! – не глядя на меня, он вышел из спальни.

Через минуту громко хлопнула входная дверь. Вот и все. Он ушел к ней. И плевать ему на меня, на Сережу. У него теперь другая жизнь. С красивой молодой любовницей, у которой нет детей и проблем. Он еще не видел ее больную и уставшую. А только накрашенную и расфуфыренную. Поэтому чтобы я ни сделала, она всегда будет лучше меня. Я вскочила с кровати, бросилась к туалетному столику и смахнула на пол все его одеколоны, которые сама же и покупала. Несколько флаконов упали на ковер. Один в полете ударился об угол столика и разбился. Удушливый аромат с нотками коры дуба повис в спальне.

Что я делаю? Ребенка ведь разбуду. Дура! Я бросилась на кровать, схватила подушку, прижала ее к лицу, закусилась и глухо завывала в нее, чтобы сын не услышал. Нет, сидеть на месте невозможно! Нужно что-то делать! Я швырнула подушку на пол и заметалась по квартире, ища место, где станет немного легче. Кухня, ванная, коридор, балкон – везде плохо, везде больно, везде пустота и горечь.

Я распахнула окно на кухне. Метель ворвалась в уютное тепло. Холодный ветер обжег лицо. Вот сейчас легче. Думай, Надя, думай! Лечение нужно продолжить. Сереже стало хуже. Приступы все чаще. Он вибрирует от нервов. Дима этого не понимает и денег не даст. Он не скупой, нет. Просто коса на камень нашла.

Откуда взять денег? Выйти на работу? Куда? В ателье? Там много не заработаешь. Я набрала полные пригоршни снега с подоконника, растерла лицо и в этот самый момент поняла, что от мужа нужно уходить. Потому что он погубит Сережу. Но куда идти?

Внезапно я вспомнила о Платоне. Натурщица. Так теперь это называется? Барина потянуло в народ? Надоела черная икра и захотелось картошки в мундирах?

Я взяла телефон, нашла номер Платона, но телефон выскользнул из рук. Нет, не могу! Нужно посоветоваться. Я позвонила Соломоновне. Она мудрая. Она подскажет. Тем более, что сама три раза замужем была. И ей тоже ничего просто так с неба не падало. Но она выжила. Пусть меня научит, как это делается.

5 глава. Правило номер три: готовь запасной аэродром

Соломонова ответила кратко:

– Сейчас буду. Жди с цветами, но без оркестра.

Я накинула куртку и пошла вниз. Хотелось вдохнуть морозный воздух и подумать. Минут через двадцать во двор въехало такси и остановилось между двумя машинами, поближе к подъезду.

Я бросилась к машине и открыла дверь.

– Подожди-ка, шкильда, меня тут обижают, – Соломоновна грозно посмотрела на водителя. – Мущина, вы что антисемит?

– Я? Зачем так говорите? Что я сделал? – обиделся таксист.

– Вы впендюрили свой драндулет так, что красивая женщина вроде меня никак не может из него выйти! Вы что не понимаете, что большому кораблю – большое плавание?

– Я же как лучше хотел, – принялся оправдываться водитель. – Чтобы к подъезду поближе. Снег вон валит. Холодно.

– А вышло, как всегда! – не унималась Соломоновна. – Мущина, дайте в зад!

– Что? – у водителя сел голос от ужаса и он неожиданно пискнул.

– Она имеет в виду, что вы должны дать задний ход, – пришлось прийти на помощь таксисту, который уже начал терять сознание от ужаса.

Он послушно завел двигатель и отъехал на несколько метров назад.

– Держи! – Соломоновна, которая просто не умела ходить в гости с пустыми руками, сунула мне в руки большой пакет.

– Что это?

– Финики, фаршированные орехами. Дочка из Израиля передала. Тебе нужнее. Я и так красивая. Посылками она от матери откупается вместо того, чтобы приехать. Всё, мать же уже не нужна. Мать, как собака, валяется в кустах. Надо было иметь не ребенка, а камни в почках. Поверь: с ними меньше проблем, – она поставила ногу на асфальт, покрытый снегом, оперлась двумя руками о дверцу машины и попыталась выйти.

Нога заскользила. Соломоновна плюхнулась обратно на сиденье.

– Так, мущина, что сидим? Придайте мне позу вставания. Иначе я сейчас оценю вашу работу в интернете как «полный поц».

– Там такого нет, – водитель поспешно выскочил из машины, расчистил ботинком снег и подал ей руку. – Там только звездочки.

– Я бы на вашем месте не спорила с женщиной на грани нервного срыва, – заявила Соломоновна и грузно опираясь на его руку, вышла из машины. – Не тошните мне на нервы, мущина! – воскликнула она, еще крепче вцепляясь в его рукав. – Осторожно и медленно ведем меня до парадного. Надя – девушка хрупкая, она меня не удержит, а я боюсь упасть.

Водитель покорно довел ее до подъезда и жалобным шёпотом спросил:

– А можно я уже поеду? Или до квартиры довести?

– Я попрошу без намеков! – возмутилась Соломоновна. – До квартиры вы еще не доросли. Свободны, юноша!

В прихожей Соломоновна сбросила шубку, внимательно оглядела меня и шёпотом спросила:

– Твой босяк дома?

– Нет, только Сережа.

– Это хорошо для твоего мужа и плохо для меня, – она села на стул в прихожей и тяжело дыша стащила сапоги. – Мне очень хотелось сделать ему два обрезания по цене одного. Ой, как мне что-то все тяжело! – она двумя руками взялась за огромную грудь и поддела ее вверх,

поправляя лифчик. – Вот что значит давно без сексу. Гормоны шалют, дышалка закончилась. Когда тебе полтос, шкильда, секс – это уже не удовольствие. Это лекарство. Так, чайник ты поставила? Чего стоишь?

Я бросилась на кухню ставить чайник. И вдруг услышала такой странный звук, похожий на лязг, и сразу ещё один – треск разрываемой ткани. Бросившись обратно в коридор, я открыла рот и замерла. Соломоновна с остервенением резала мою старую куртку и дорывала ее, наступив ногой.

– Молчи! – она наставила на меня указательный палец с ярко-красным лаком.

Тяжелые серьги возмущено качнулись вместе с огромной грудью, затянутой в красный свитер.

– Иначе я тебе сделаю вырванные годы из еле оставшихся дней, – она дорвала куртку и бросила мне под ноги. – Снимай джинсы.

– Виолочка, прошу...

– Снимай сама! – она пошла на меня, держа ножницы в руках.

Пришлось быстро стащить джинсы. Пока я натягивала брюки, Соломоновна кромсала старые джинсы.

– Это в мусорное ведро, – она бросила джинсы на обрезки куртки, решительно прошла в спальню и распахнула шкаф. – Ты себя наказываешь, шкильда-селедка, поэтому носишь старые шмотки, не делаешь маникюр и вообще выглядишь, как последняя засранка. Это чувство вины. Его не должно быть.

– Я виновата, Виолочка. Диме сложно очень. Если бы не моя роковая ошибка, он бы в Москву не переехал. И так бы не пахал. От усталости и нервов срывается. Нужно терпеть.

– Ты не виновата в измене мужа и в том, что случилось с Сережей. Дима вбивает тебе в голову это чувство вины, чтобы контролировать. И потом да, он пахал, не спорю. Но ты занималась реабилитацией после операций. Ты моталась с сыном по психологам, по разным центрам развития. Пять лет в бассейн возила почти каждый день. А бесконечные физиотерапии? А все эти гомеопаты, гуру-шмуру-йоги и прочие качатели бабок? Ты ж даже до шаманов дошла. В Сибирь с ребенком ездила. А как он рисовать начал? Это ты обратила внимание, что ему это нравится и взяла преподавателя по рисованию. Ты же не сидела без дела. Вспомни, как ты иногда моталась целый день. Туда-сюда ребёнка возила. А потом еще приготовить, убрать, рубашечки Диме нагладить. Себя в порядок привести, чтобы ему понравиться. Книжек сколько перечитала по разным лечебным методикам – профессором можно назначать.

– Но Дима же на это все зарабатывал. Соломоновна, ты же знаешь, сколько это все стоит.

– Знаю. Но все равно не воспринимай себя, как паразитку, что на шее мужа сидит. Да только списаться с этими всеми клиниками за границей – это ж сколько времени и сил! Тебе же пришлось английский из-за этого выучить! И ведь вызубрила. А как? Ночами сидя возле Сережи. Он ведь у тебя почти не спал. И при этом еще умудрялась из ателье работу на дом брать, когда Дима еще не успел на ноги встать. Так что это еще вопрос: кто больше пахал?

– Всё так, Виолочка. Но я виновата и знаю это. Дима прав: мой грех. И мне его никогда не искупить.

– Никогда с тобой не соглашусь. Ты посмотри! – она вытащила из шкафа шубку из норки, черное длинное пальто и светлое полупальто. – Твой босяк, конечно, сволочь. Но он никогда не сэкономил ни на тебе, ни на ребёнке. И имея вот это все, ты ходишь в старье. Так что ты от него хотела? Ты знаешь, что мужики, как дети малые, любят, когда у них красивые игрушки? Ну не хватило у Бога на них мозгов. Отвернулся в тот момент, когда эти мозги в тазу варились. С кем не бывает? Вообще всем мужикам можно дать одну фамилию: Шумахер. Потому что шума много, а толку – как во второй части слова.

Но нужно же работать с тем, что есть! И нужно быть справедливой: Дима не жмот.

– Это да, Виола. Не жмот.

– Уже легче. Хоть одну хорошую черту мы в нем нашли. И эта не та черта, что делит задницу напополам. Пойдем чай пить.

Она пошла на кухню, села на стул, решительно отодвинула хлебницу и сказала:

– А теперь я имею до тебя главный вопрос: ты деньги скопила? В стороне? Чтобы Дима про заначку не знал?

– Нет, зачем? – я налила чаю в две большие керамические кружки. – У нас все общее. Дима давно открыл мне отдельный банковский счет и туда деньги переводил со своего.

– Ага, значит к его счету у тебя доступа нет?

Я опустила на стул. Только сейчас я поняла, что она права: все деньги были у Димы. Моих на счету хватало на еду, одежду, лекарства Сереже и прочие повседневные расходы. Но мне их не хватит, если вдруг начну самостоятельную жизнь.

– Соломоновна, мне и в голову не приходило, что будет вот так, – я заплакала. – Он же такой надежный всегда был. Мы же с ним вместе...

Соломоновна обняла меня и положила мою голову себе на грудь.

– Ой, дурочка моя! Какие же мы все дурочки! Вот вроде же умные, образованные более-менее, а все равно дуры. Особенно твое и мое поколение. Эти мелкие девки нынешние – они хваткие, как акулы. Еще перед замужеством брачные контракты заключают. Вытаскивают из мужиков квартиры, машины, Мальдивы и шубы на рыбьем меху. А мы все о любовях, о чувствах, о детях. Ой, горе мое! – она начала меня качать, как ребенка.

– Что мне делать, Соломоновна? Ты же мудрая. Подскажи! – заливаясь слезами, я сказала ей о нашей сегодняшней ссоре и предложении Платона.

– Значит так, шкильда-селёдка, лови ушами моих слов. Дело наше такое бабское: всю жизнь под мужиками. А там как повезет. Ты денег не скопила. А тебе уходить нужно от твоего босяка. Если не хочешь, чтобы сын совсем дурной стал. Оно так всегда начинается: сначала куском хлеба попрекает, потом и ребёнка отберет. А это в твоём случае очень легко. Как только он социальной опеке расскажет, почему Сереженька болен, ему сразу сына отдадут. К раввину и гадалке не ходи! Это еще будет большое счастье, если тебе с дитенком видаться позволят. Но опека будет у твоего мужа. Он же всё расскажет в таких подробностях, шо у них заплачет не только бумага, но и те бревна вместе с лесоповалом, на котором эти самые бревна пилили. Еще и в суд с адвокатом наперевес явится. Адвоката возьмет дорогого, из наших: Либермана, Циммермана и прочих Гольденбергов. Тот уже расстарается вовсю. Так расчешет нервы судье, шо он будет, как Гагарин, лететь из зала суда. Я так разводилась со вторым мужем. Он мне вытащил аппендицит через голову и сделал эту голову беременной. До сих пор так и не поняла: это был погром или ограбление?

Я заплакала еще громче.

– Ша, девочка, тише! Сына испугаешь. Ребенок и так на нервах! Ой, бедные вы мои, бедные! – она вдруг заплакала вместе со мной. – Что вы от него имеете! Вырванные годы он вам сделал, этот бандит!

Так мы ревели на кухне вдвоем. Соломоновна первая пришла в себя.

– Так, слушай сюда, давай думать, что мы имеем с гуся. Всё плохо, согласна. Но во всем плохом есть и хорошее. Вот тебе бог дал шанс: работу новую, муштинку не женатого. Платон этот на лицо не поганый?

– Нет, – всхлипнула я.

– А какая у него тазобедренная композиция?

– Виола, ты что? Я туда не смотрела! – я аж плакать перестала от шока, который вызвал ее вопрос.

– А шо здесь такого? – она вскинула руки, а потом прижала их к груди. – Мы же должны знать: ты будешь иметь удовольствие или это удовольствие будет иметь тебя?

Я закрыла глаза и вздохнула:

– Соломоновна, закрой тему! Всё!

– Всё, шкильда, это когда уже ноги холодные! Просто будь умнее: денег скопи, связи заведи. Первое правило хорошего развода: заранее готовь запасной аэродром. Шоб не умереть от голода внезапно посреди полного здоровья. Оно легче всего дверью хлопнуть и в никуда уйти. А ребенок больной что делать будет? К родителям можешь поехать?

– Не могу, они не поймут. Мы не близки с мамой. А с отчимом тем более. Он у нее всегда прав.

– Потому ты и взамужи сбежала за первого встречного? Ты же тогда шла на базар, а не с него, как я сейчас. Могла еще посмотреть товар, помацать его и дожидаться таки кита, а не полведра тухлых бычков.

– Я его люблю, Соломоновна. Понимаешь? Люблю!

– Гэвалт, бояре! То есть, караул. Час от часу не легче. Ты пойми, девочка моя: нет больше твоего Димы, которого ты любила.

– Знаю! Но все еще его люблю. И при этом уже видеть не могу. Веришь, Соломоновна? Боюсь сорваться. Боюсь, что не сдержусь.

– Знаешь, что? Мне твой брак напоминает старый одесский анекдот про девственницу, которая пришла к раввину.

– Я такого анекдота не знаю, Виолочка.

– Девственница пришла к ребе и говорит, шо хочет жить вечно. Он ей говорит: «Так выйди замуж!» Она глазами лупает и удивленно спрашивает: «А шо я тогда буду жить вечно?» Ребе отвечает: «Нет. Но желание пропадет почти сразу». Так вот, шкильда, я таки имею умную мысль. Собирай вещи и ко мне переезжай. У меня три комнаты. Я одна. Дочка в Израиле давно живет с мужем и внучкой моей. Я пока замуж не собираюсь. Вместе будет веселее. Кроме того, я таки скопила пару копеек. Чем могу – всегда помогу. Дочке помогать не нужно. Ей и так не дует с ихнего моря.

– Соломоновна, почему ты к дочке не едешь? – я, наконец, решилась задать этот вопрос. – Все-таки там семья. А здесь ты совсем одна.

– Дочка меня давно к себе зовёт, а я не хочу. Она у меня хорошая. Но размер страны просто не вместит мою красоту. Я там одно бедро положу в Тель Авиве, так второе четко ляжет у арабских соседей. И чего я должна их бесплатно радовать? Не заслужили они такую красоту. Тем более, что беспокойно у них там. Это еще счастье, что их соседи дураки. Но боюсь, что кто-то им подскажет, что делать нужно, и тогда придётся мой девочке сюда возвращаться. Вот догадаются они во всех арабских странах объединиться и одновременно пописать на Израиль, и страну затопит. И моя дочка снова приедет в Москву.

Я расхохоталась.

– Видишь, ты уже смеешься, – довольно заметила Соломоновна. – Так что вытирай глаза и собирай вещи. Поедем ко мне. Посмотрим, как твой босяк запоет. А ты себе быстро найдёшь годного мушинуку. Хотя, честно говоря, сегодня это очень трудно. Поэтому я одна. Да и не нужен мне никто. Так, вру себе по привычке. Не хочется мне уже никаких любовей.

– Любовь умерла в нашем мире, – я взяла ее за руку и погладила натруженные шитьем пальцы.

Она вдруг стала очень серьезной и тихо заговорила без своих шуток и прибауток:

– Любовь не умерла, девочка. Просто нам, мужикам и женщинам, вдруг стало сложно быть вместе. Исчезла легкость. Наверное, потому, что и твое и мое поколение как-то очень быстро повзрослело. Время было такое, что нужно было быстро взрослеть. Это сейчас они в тридцатник еще себя ищут. А мы в восемнадцать-двадцать уже женились, рожали, работали и нас воспринимали, как взрослых. Но мы не доигрались. Понимаешь, шкильда? Внутри нас живут невыросшие дети, которые играют в игры для взрослых. И, приняв раз и навсегда правила игры, мы и отношения пытаемся строить так, как нужно кому-то, но не нам. Все эти при-

ложения знакомств, клубы быстрых свиданий... мечемся, пытаемся, а вокруг пустые и чужие лица, от которых тянет холодом. Скольких друзей из соцсетей ты знаешь лично? С кем из них ты пила чай? Мы бодро врем для чужих. Мы постим фотки из Турции. А внутри живет тоска. И мы делимся ею только с самыми близкими. И этот ближний круг с годами сжимается. И попасть туда совершенно невозможно, потому что мы не впускаем. Мы боимся нового. Наши ровесники-мужики для нас старые и унылые. Ведь мы себе кажемся молодыми. А молодняк мы не понимаем, и они не могут удовлетворить наши все время растущие запросы. При этом мы продолжаем все время чего-то достигать: учиться, строить карьеру, заводить новые хобби, путешествовать. Не потому, что хочется. А потому, что так нужно. Ведь так живут все. А вечером приходим в пустой дом и плачем от одиночества. Знаешь, почему Моисей сорок лет водил евреев по пустыне, когда они вышли из Египта?

– У них таки не было навигатора, – улыбнулась я.

– Это само собой. Так вот я тебе скажу за Моисея, что он не был поцем. Он таки был мудрый человек. Он нарезал круги по маленькому кусочку песка и ждал, пока умрут все те, кто помнит прежнюю жизнь. И когда он привел молодняк в Землю Обетованную, им там всё понравилось. Потому что они ничего другого не знали. Так и наши с тобой поколения нужно просто убить. Потому что мы еще помним, как хорошо было до того, как мы все закрылись в своих норах. Когда мы жили чувствами, сегодняшним днем и не знали, что такое успешный успех. До того, как мы возвели железобетонные стены, чтобы никто через них не прорвался. Фильтры знакомств, любви и всей жизни, как в соцсетях. Антивирусы против нового и незнакомого, которое может поранить.

– Но ведь не все одиноки. Есть же замужние и женатые, и кто-то даже счастлив, – заметила я.

– Женатые? Да, а знаешь, почему, девочка? Потому что, когда мы чуть подросли, то все вокруг женились, заводили детей. И мамы с бабушками нам мозг выносили: быстрее, быстрее, иначе упустишь всё и остаешься одна. Это тоже правила игры. И вот мы стали старше. И те, кто женились до нас, уже сидят в своём доме по разным углам и почти не разговаривают друг с другом. Или открыто делят машины, квартиры и детей. А где-то уже поделили. И закрылись в тишине и одиночестве. Они больше не хотят никого впускать в свою жизнь. Потому что страшно. Потому что в прошлом было так много ран и боли, что снова проходить через это нет сил. Но все те же правила игры для взрослых диктуют нам, что семья – это главное. И что быть одному – это стыдно. Потому что семья такая же часть успеха, как блестящая карьера, машина, ипотека. О чувствах никто и не говорит. Это просто успешный успех. Иначе с кем ты будешь делать фотосессии для соцсетей? И любовь сама по себе потеряла ценность. Поэтому мы даже не можем или не хотим найти время для свидания. Мы слишком уставшие от этого бесконечного бега за успешным успехом. И с одной стороны, нам холодно в пустой постели, но с другой, привычнее и легче. Потому что любовь стала тяжелой работой. Непосильной для уставшего сердца. Куда подевалась та легкая и спонтанная романтика, когда люди знакомились друг с другом на улице или на вечеринках? Когда предложение серьезно встречаться делали только мужчины и уже после десяти минут знакомства? Где эти первые поцелуи, от которых сердце выскакивало из груди и по всему телу бежали мурашки? Ты обратила внимание, что поцелуи вообще очень обесценились? Они стали чем-то обычным и скучным, словно в них и нет никакой тайны.

– А я до сих пор помню наш с Димой первый поцелуй, – я встала, взяла чайник и подлила нам еще чаю. – Он меня обхватил крепко-крепко, но очень нежно. Как большой и добрый медведь. Поднял и поцеловал. Я потом всю ночь не спала, веришь, Соломоновна? Аж температура подскочила. Утром зубы не почистила, чтобы не смывать вкус его губ. Мы были нищие, но такие счастливые! – я заплакала.

– Верю, моя девочка, – Соломоновна всхлипнула и обняла меня. – Знаешь, я помню, как бежала после работы к своему первому мужу, тогда он, конечно, мужем не был еще. А был просто первой любовью. Мы даже по телефону не разговаривали. Ну не передает телефон ни радости, ни дрожи. Мы неслись друг к другу на своих двоих. Мчались, перепрыгивая через лужи. На последние деньги покупали билеты в киношку и дешевые конфеты. И шуршали бумажками, мешая всем в кинотеатре. А цветы он воровал на клумбе. Денег же не было. И как-то он прибежал ко мне. А за ним бежала милиция. Он мне бросил букет, крикнул: «Это тебе. Бежим!» И мы, заливаясь от хохота, помчались, держась за руки. А потом на чьем-то дне рождения он заставил меня при всех сказать, что он мне нравится. И я так краснела и стеснялась. А он заявил, что нужны свидетели. Потому что иначе он подумает, что ему это кажется, – она замолчала, закрыв лицо руками.

Я тоже молчала, глядя в окно на нескончаемый снег.

– Знаешь, девочка, – она отняла руки от лица. – Я верю, что любовь не умерла. Просто затаилась на время. Но она вернется. Ведь без нее никак.

– Не ко мне, Соломоновна. Не ко мне, – снова всхлипнула я и глотнула остывший чай.

– А ты не зарекайся, рыба моя золотая, – она погладила меня по голове. – Какие твои годы? Всего лишь тридцать три, – она задумчиво посмотрела на снег за окном. – Я желаю тебе непременно влюбиться этой зимой. И тогда у тебя все получится. Вот увидишь! Моя бабушка говорила: «Если вы не умеете радоваться жизни, то почему она должна радовать вас?»

Переезжай ко мне, пожалуйста.

– Здесь мой дом, Соломоновна.

– Девочка моя, дом – это не стены. Это руки, которые тебя обнимают, когда тебе очень плохо, – она обняла меня обеими руками и прижала к груди.

– Не могу я, Виолочка, вот так. Серезу без отца оставить. Ему и так сложно. А Дима все же отец. И я... я все еще люблю его.

– Ну как знаешь. Если захочешь, дверь всегда открыта. Но не вини себя: такое с каждым может случиться. У меня для тебя есть чудесный рецепт счастья – на себе проверяла. Берем себя, – она обхватила себя руками, – обнимаем, любим и ни с кем не делимся!

Я рассмеялась и обхватила себя руками. Но вышло скверно.

– Видишь? Не получается у меня, Виолочка. Потому что знаю: я – плохая мать! В этом Дима прав. Поэтому мне нужно терпеть. А на лечение я сама заработаю.

– Эээ... натурщицей? – вкрадчиво спросила Соломоновна.

– Да, так теперь это называется. Барина потянуло в народ. Надоели ему московские гламурные фифы и захотелось картошки в мундирах. Вот позвоню ему и соглашусь. Доставка картошки прямо на дом. С пылу, с жару.

– Не делай этого! Ты не такая, – предостерегла меня Виолетта.

– Значит, стану такой, – я взяла телефон и хотела позвонить.

Но пальцы не слушались и телефон упал на стол.

– Я же говорю: ты не такая, – улынулась Соломоновна. – Скажи-ка мне, шкильда, а твой этот Платон не хочет еще раз написать Мону Лизу? Так я могу попозировать, – она взялась за грудь обеими руками и подкинула ее вверх, поправляя лифчик. – Мона Лизу? Я спрашиваю: Лизу мона?

Я засмеялась. И в этот момент телефон зазвонил, и я не поверила своим глазам. На экране высветилось имя Платона.

Платон

Испугал он ее, испугал. Надя девушка от искусства далёкая. Поэтому ее представления о мире этого самого искусства обывательские. В основном, почерпнутые из кино. Оргии, безумства и прочие извращения – вот о чем она думает, когда слышит слово «натурщица». Не так с ней нужно, не так. Она уже себе там нафантазировала черт знает что!

Платон привстал, подвинул к себе чашку кофе, что стояла возле Мамикона, глотнул кофе, смачивая горло, приложил палец к губам, призывая его молчать, и позвонил Наде. Она ответила сразу, как будто ждала. Голос звучал глухо.

– У вас все в порядке? – забеспокоился Платон.

– Все... хорошо! – после паузы ответила она, явно глотая слезы.

– Послушайте, Надя, я хочу извиниться. Был уставший и поэтому неправильно выразился. Хотел пошутить, но вышло неловко. Мне, по сути, нужна не натурщица, а помощница в галерее. Просто секретарь, только творческий.

Опять ты за свое, Платон? Ее сейчас слово «творческий» напугает.

– Ну, в смысле, креативный. То есть, не прямо так, чтобы очень креативный, а исполнительный и точный. И скромный, – поспешно добавил он.

Вот идиот! Чего его так клинит? Даже не получается нормально выразить мысль. Мамикон удивленно посмотрел на него, вытянул руку ладонью вверх, помахал ею в воздухе и одними губами спросил:

– Ты что блеешь, как баран?

Платон рубанул рукой воздух, отмахиваясь от него, досадливо поморщился, но вдруг с удивлением понял, что волнуется. Это было такое странное и давно забытое ощущение: волноваться, разговаривая с женщиной. В трубке повисло молчание. Платон начал торопливо перечислять блага:

– Оклад хороший, соцпакет, иногда поездки за границу на аукционы.

Надя

Я молча слушала, как он перечисляет все, что собирается мне дать. А на языке вертелся один только вопрос: зачем я вам? Помощница в галерее, ничего не понимающая в искусстве? Но я прикусила язык. Ты же хотела отдать все ради сына. Вот случай и представился. Барин добрый, барин не обидит. За свою блажь он готов щедро платить. Вон как красиво расписывает. Излагать умеет, нужно отдать ему должное.

Это то, о чем говорила Соломоновна: правила взрослой игры. Мы ведь не дети и понимаем, что ему от меня нужно. Но упаковывает он это красиво. Культурный человек, что да, то да. А мне уже все равно. Мне сына лечить нужно. Он вообще не улыбается. А я за его улыбку все отдам. И себя тоже. Девственность мне уже не терять. А кроме нее и терять нечего. Муж с любовницей. Я одна. И если завтра Дима придет и скажет, что мы разводимся, то мне придется научиться крутиться самой. Поэтому начинать нужно сейчас. Говорят, что бог не дает человеку того, что он не может перенести. Значит, я могу стать любовницей Платона и не умереть.

– Согласна, – ответила я. – Но работать могу только в утренние часы и до шестнадцати ноль-ноль. У меня потом сын из школы возвращается.

– Хорошо, Надя, тогда приезжайте завтра к девяти часам в мою галерею «Лунный свет».

Платон

Он нажал кнопку отбоя и покрутился в кресле, довольно улыбаясь.

– Ну? – нетерпеливо спросил Мамикон. – Кстати, галерея наша, а не твоя. Дядя Мамикон там тоже пару копеек вложил.

– Если бы я еще тебя упомянул, то она вообще бы испугалась.

– Чего это? – возмутился Мамикон. – Может, наоборот? Обрадовалась, закричала: «Где этот горячий мужчина? Хочу его, не могу прям!» и прибежала прямо сейчас?

– Завтра приезжай к девяти в галерею и увидишь ее, – Платон радостно забарабанил пальцами по столу.

– Так хороша? – усомнился Мамикон.

– Красота в глазах смотрящего, – уклончиво ответил Платон. – Все модели великих художников в реальности выглядели не так, как на полотнах. Вопрос в том: что в них видели мастера?

– Ну ладно. Заценим твою находку завтра, да Винчи-джан.

– Мамикон, давай-ка договоримся на берегу. Девушка мне нужна для дела. Ты в этом кровно заинтересован. Поэтому держи свои гормоны как можно дальше от нее.

– Вай, – Мамикон расплылся в широкой улыбке. – Как она тебя зацепила, слушай, – он закатил глаза и поцокал языком.

Платон без улыбки облокотился на стол и решительно заявил:

– Делом нужно заниматься, дорогой, делом. Ты или бабки отстирывай, или по девушкам гуляй. Не нужно сводить две стенки. Иначе я умываю руки, – он поднял ладони вверх.

– Дядя Мамикон влюбчивый очень, – жалобно прошептал Мамикон. – Сердце большой, терпелка вот такой маленький, – он поднял вверх мизинец, кавказский акцент внезапно усилился.

Платон по опыту знал, что акцент появляется тогда, когда Мамикон юморит. Потому что он приехал в Москву в возрасте десяти лет и русский язык знал не хуже коренных москвичей. Но сейчас Платону было не до шуток. Всё может сорваться, если Мамикон не сдержит свой армянский темперамент, который ничего не могло охладить. Даже русские морозы. Сдержать Мамикона было очень трудно, если в поле зрения появлялась красивая девушка. Поэтому Платон повторил для закрепления эффекта:

– Или дело, или девушки.

– Как скажешь, дорогой! – хитро прищурился Мамикон.

И это очень не понравилось Платону.

Едва переступив порог дома, Платон поспешил в мастерскую. Стеллажи, два мольберта, неоконченные работы в углу – всё было покрыто пылью. Платон подошел к мольберту, на котором был установлен чистый холст, прикрытый серой мешковиной. Открыл холст, любовно провел ладонью по девственной белизне.

– Ты будешь здесь, Надя, – прошептал он.

Пальцы ныли от желания писать. Впервые за долгий срок. Этот забытый зуд не даст уснуть, сведет с ума. Но как же ждут его художники! Минуты и часы сплетаются в сутки и недели, а они не замечают. Закрываются в мастерской, питаются тем, что завалилось в холодильнике. Или вовсе забывают поесть. И пишут, пишут, пишут до изнеможения. Неделю, две, три. И когда зуд уходит, они выползают из своей пещеры на свет божий, как Голлум во «Властелине колец». И, шурясь на ярком солнце, прижимают к груди свои творения и шепчут:

– Моя прелесть!

Платон всегда делал наброски карандашом. В черном грифеле была правда жизни. Карандаш – самый жестокий инструмент художника. Кисть не так прямолинейна. Она может сгладить неровную линию, соврать, как старый и верный друг. Карандаш беспощаден в своей критике: все недостатки натурщицы сразу видны. Но зато и достоинства подчеркнуты.

Платон сел в удобное кресло, положил на колени альбом, взял любимый черный карандаш и начал делать наброски. Один, два, три – листы падали на пол, скомканные его безжалостной рукой. Всё не то. Всё не так! Важно другое: он начал рисовать. Упоенный этим забытым кайфом, он не заметил, как в мастерскую прокрался серый зимний рассвет. Карандаш выскользнул из рук, и Платон заснул.

Надя

Дима не вернулся домой ночевать. Я не спала всю ночь. Несколько раз набирала его, но он не отвечал. Так и заснула с телефоном в руках и горечью измены на губах. Утром, конечно, встала с синяками под глазами. Наскоро оделась: светлые брюки и широкий свитер. Чуть не всплакнула, вспомнив свои любимые джинсы, с которыми безжалостно расправилась Соломоновна. Волосы подняла наверх, заколола на одну шпильку. Люблю шпильки, хотя все давно носят заколки. Есть в них какая-то милая и уютная архаичность.

Потом посмотрела на себя в зеркало и поняла, что так не выглядит личный помощник владельца крутой галереи. Тяжело вздохнув, я разделась. Открыла давно забытое отделение шкафа, в котором висели узкие юбки и наглаженные блузки. Выбрала черную юбку-карандаш, белую блузку и чёрные ботильоны на тонких каблуках. Волосы разделила на пробор и убрала в узел на затылке. Последний штрих: жемчужные серьги-вкрутки и немного духов. Зимой можно позволить себе сладкие «Роберто Кавалли».

Я разбудила Сережу и накрыла стол к завтраку. Сыночек удивленным взглядом окинул мою одежду.

– Не привык, милый? – я поцеловала теплые вихры на макушке. – Твоя мама тоже может быть красивой.

Пока он завтракал, я размазала по лицу капельку жидкой пудры. Просто чтобы скрыть синяки под глазами. Мазнула тушью по ресницам и нарисовала губы светлой помадой. Как же тяжело выглядеть хорошо, когда на душе тоскливо и хочется в пижаме забраться под одеяло.

Я отвезла Сережу в школу. Занятия в элитной спецшколе сына начинались в восемь. Часы показывали без десяти восемь. У меня ещё был целый час, потому что галерея Платона была неподалеку. Минут пятнадцать езды. Нужно настроиться на работу.

Я бесцельно каталась по улицам, держась в районе галереи. Жутко хотелось кофе, но все кофейни еще были закрыты. Неудивительно: это Патриаршие, здесь рано не встают. Ехать в другой, не такой помпезный район, мне не хотелось. Встану в пробку – опоздаю в первый рабочий день.

Не знаю как, но внезапно я очутилась неподалёку от ресторана «Адель», который принадлежал любовнице моего мужа. Возле входа была припаркована машина Димы. Неужели он всю ночь провел с ней в ресторане? Мне стало жарко. Тяжело дыша, я опустила стекло. Оно задребезжало. С месяц уже как стекло заедает, но на ремонт нет сил и времени. Раньше Дима всегда отвозил мою машину в сервис, но теперь ему явно было не до нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.